

2. Основа Повести

Теперь, прочтя Повесть, подумаем о том, что она собой представляет и о чем в ней говорится.

Прежде всего, из слов «по нынешний 128-й (1620) год» ясно, что они написаны в 1620 г. И заметим, что ни одно из хронологических указаний Повести (за исключением сделанных в XVIII в. дополнений в списке Новгородского музея) не переходит этого рубежа. Заметим также, что хронология является основой повествования. И еще — что не все даты при этом расположены в Повести в порядке возрастания. Но начнем с начала.

Если верить Повести, до основания монастыря — значит, примерно в середине XIII в. — к западу от Белозерска на месте, называвшемся «Плещество Водное», или «Переливна», «ныне» именуемом «Верхняя Треста»,¹ стояла церковь Св. Троицы, в которой произошло чудо прозрения княжича Михаила Глебовича. (В послужившем Повести основой «Указе о кормах» название места не указывается, говорится просто: «...во граде Белѡзере во цѣркве Святыя Троица».²)

Монастырь был основан, согласно «Указу о кормах» и Повести, после этого чуда отцом Михаила князем Глебом Васильковичем в 6759, т. е. 1251 г. Княжич оставался слепым двенадцать лет и три месяца, а ослеп, когда ему было три года. Получается, что он родился в 1235-м или 1236 г.

Но в этом «Указ» и Повесть противоречат сами себе, ибо там же сказано, что Михаил родился «не по мнозе времени» после гибели при татарском нашествии его деда, Василька Константиновича Ростовского, т. е. *после* 1237 г. Есть даже мнение, что в 1237 г. родился отец

¹ «Ни один из этих топонимов не встречается в других источниках. Очевидно, «переливной» могли называть место выхода Шексны из Белого озера». — Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 194.

² Там же. С. 202.

Михаила князь Глеб Василькович³ (не знаю только, на чем оно основывается; наверное, на том, что под этим годом летопись впервые упоминает Глеба — вместе с его братом Борисом — в молитве их гибнущего отца).⁴

А кроме того, это противоречит известию летописи, что Михаил Глебович родился в 1263 году.⁵ Правда, в других летописях родившийся в этом году сын князя Глеба называется не Михаилом, а Демьяном.⁶ Но далее сын князя Глеба Васильковича Демьян нигде, кажется, не упоминается.

Обратимся здесь к некоторым сведениям летописей о Глебе Васильковиче и его сыне Михаиле. В 1250 г., значит тринадцать лет спустя после гибели отца, князь Глеб ходил в Орду к сыну Батыя, убийцы своего отца, Сартаку, «Сартак же, почтив и, отпусти и в свою вотчину».⁷ В 1251 г., сказано, «поеха Глеб на Белоозеро в свою отчину».⁸ (В другой летописи, правда, поехавший на Белоозеро князь назван Глебом Борисовичем,⁹ т. е., выходит, племянником Глеба Васильковича. Но такой племянник у него неизвестен, известны лишь Дмитрий и Константин Борисовичи; так что «Борисович» к имени Глеба приписано, скорее всего, по ошибке.)

В 1257 г. Глеб Василькович женился в татарской Орде: «Тое зимы приеха Глеб Василкович ис Кану земли от царя, и оженися в Ворде»,¹⁰ — вероятно, думают, на царской родственнице.¹¹ Если он родился в 1237 г., то в момент женитьбы ему было двадцать лет — возраст вполне подходящий. Во крещении невесту называли Феодорой («В лето 7781 преставися княгини Глебова Феодора»)¹²

В 1263 г. у князя Глеба и княгини Феодоры родился, как мы уже знаем, сын — то ли Демьян, то ли Михаил. В летописи ничего не сказано о его болезни и слепоте в трехлетнем возрасте. Сказано же, что в

³ См.: А. Э. Глеб Василькович // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1893. Т. 16 (VIII-а). С. 914.

⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 466.

⁵ Там же. С. 524.

⁶ Там же. С. 477; М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. С. 144.

⁷ Там же. Т. 1. С. 472

⁸ Там же. С. 473.

⁹ Там же. Т. 25. С. 141.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 474.

¹¹ Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. 16. С. 914.

¹² ПСРЛ. Т. 1. С. 525.

1277 г. князь Глеб с сыном Михаилом и другими князьями ходил в Орду помогать царю Менгу-Темиру воевать с кавказскими ясами, осевернее Дербента); что на следующий год Глеб женил сына на дочке ярославского князя Федора Ростиславича, а вскоре затем, в том же году, «посла сына своего Михаила в Орду на войну, съ сватом своим Феодором Ростиславичем» (помогать татарам воевать с булгарами).¹³

Вряд ли князь слепого сына брал бы в поход, женил и посылал на войну. Но, кстати сказать, к моменту кавказского похода возраст Михаила Глебовича приближался как раз к пятнадцати годам. Так что рассказ Повести о его слепоте и прозрении не вовсе несовместим с летописными данными. Неверна его абсолютная хронология: может быть, неточно указан возраст княжича в момент потери зрения, или же некоторая ошибка — во времени, какое мальчик оставался слепым. Но так или иначе, рассказ этот — не невероятен.

С таким утешительным результатом вернемся к Повести. Как мы помним, там говорится, что после прозрения сына князь Глеб вместе с епископом Ростовским Лукою, укрывавшимся — очевидно, от татар — в Белозерских пределах, «в некоем острове» (кстати сказать, в «Уставе о кормах» ничего не говорится о епископе Луке, просто сказано, что князь «помысли совѣт благ»;¹⁴ а в Повести: «помысли в себѣ сотворити совѣтъ благ з боголюбивымъ епископомъ Лукою Ростовскимъ...»)¹⁵, возвел на месте чуда новую церковь — деревянную, «в высоту зело велику и чюдну» (этих слов тоже нет в «Уставе») — и создал общежительный¹⁶ Троицкий монастырь, куда собрал более двадцати монахов, а после этого, услышав о Спасо-Преображенском

¹³ ПСРЛ. Т. 25. С. 152.

¹⁴ Макаров Н. А., *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 202.

¹⁵ «Упоминаемый ростовский епископ Лука, благословивший Геннадия на игуменство, может быть соотнесен только с ростовским епископом Лукой, умершим в 1189 г. (здесь — сноска на ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407. — Г. П.). Современниками же Глеба Васильковича были ростовские епископы Кирилл и Игнатий. Фраза Сказания о том, что епископ Лука Ростовский был «в некоем острове Белозерском прелѣл», не поддается комментарию». — Там же. С. 192.

¹⁶ В литературе уже отмечено «еще одно хронологическое несоответствие» в этом повествовании: «в нем говорится, что в Усть-Шехонском монастыре с момента основания было учреждено «общее житие», однако общежительные монастыри появляются на севере России только с конца XIV в.» — Там же.

монастыре на о. Валаам «в пределах Великаго Новагорода», отправил туда «довольну милостыню» с просьбой прислать в основанную им обитель игумена, какового — по имени Геннадий — и получил (в «Уставе» Валаамский монастырь вообще не упоминается); а после того «создал и другой монастырь — на Кубенском озере» (об этом тоже в «Уставе» ничего нет); а затем «паки прииде князь Глеб на Белоозеро, и прочая поживе вся дни живота своего во благочестии и чистоте и в правде»; и потом «преставися к вечным обителем».

На самом же деле князь Глеб Василькович умер, княжа в Ростове, 13 декабря 1278 г., значит, очень скоро после похода на Кавказ, женитьбы сына и отправки его на войну.¹⁷

Ограничимся следующим скромным выводом: если Троицкий Усть-Шехонский монастырь был основан князем Глебом Васильковичем после прозрения его сына, то это могло произойти не раньше 1263 г., времени рождения Михаила Глебовича, и не позже 1278 г., времени смерти Глеба Васильковича, точнее — не позже 1277 г., когда он взял сына Михаила в военный поход. Может быть, он успел за год-полтора до кончины создать монашескую обитель и найти для нее главу?

Обратим, кстати сказать, внимание и вот на что. В «Указе о кормах», исторические заметки которого, как мы знаем, послужили автору Повести основой, отмечено, что этот основанный князем Глебом Васильковичем при истоке реки Шексны Свято-Троицкий монастырь был первым в Белозерско-Вологодских землях: «...бѣ бо той первый монастырь во его отечествѣ»;¹⁸ в Повести же к этому добавлено, что Спасо-Преображенский монастырь на Каменном острове в Кубенском озере был создан тем же князем «последи», позже. Возможно, автору хотелось подчеркнуть, что его монастырь старше Спасо-Каменного.

В Сказании, посвященном специально Спасо-Каменному монастырю, его основание приписывается князю Глебу Борисовичу.¹⁹ Наверное, автор Сказания видел запись в летописи под 1251 г.: «Того же

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. С. 525; Т. 25. С. 152.

¹⁸ Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 202.

¹⁹ См.: Сказание известно о Каменном монастыри приснопамятнаго старца Паисия святаго Ярославова // Православный Собеседник. 1861. Ч. 1. С. 197–216; Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1987. Ч. 1. Вып. 2: Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея. С. 407–417; Прохоров Г. М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси: XI–XVI вв. СПб., 1991. С. 130–162; см. с. 34–35 нашего издания.

лета Глеб Борисович иде на Белоозеро въ свою отчину».²⁰ Автор же Повести, похоже, ни летописи, ни Сказания не видел и лишь слышал, что Спасо-Каменный монастырь основан тем же князем Глебом, что и Усть-Шехонский. Но он не удревнял хронологию, чтобы доказать первенство своего монастыря: дата 6759 (1251 год) присутствует, как мы знаем, уже в известном ему «Указе о кормах» конца XVI в.²¹

Но и в том, что монастырь был основан в XIII в., существуют сомнения. П. Строев так пишет о нем: «Усть-Шехонский Троицкий, от Белозерска в 17 верстах; основан будто бы в 1251 г. кн. Глебом Василиевичем», — и делает примечание: «Построен в начале XV века. — Акты юридические, с. 10, стб. I».²²

Обращаемся к «Актам юридическим» и в указанном месте находим грамоту, данную ок. 1490 г. Ферапонтову монастырю на деревню Крохинскую на р. Шексне. В этом документе записаны свидетельства местных жителей — Гриди Лимонова девяноста лет от роду и Иева Терехова семидесяти лет; они-то и упоминают между прочим Троицкий монастырь. Похоже, что речь стариков стенографировали: «Был, господине, некто сын боярский Гаврило Лаптев, а жил, господине, в селе Великом. А то, господине, село — его вотчина. А та деревня Крохинская по сей стороне Шоксны, да и на другой стороне Шоксны Средней погост, по речку по Турбаи до Белоозера, до устья до Белозерского и до Шехонского, — то было, господине, все Гаврилово Лаптева. А и монастырь, господине, Троецкой поставлен на Гаврилове земле. А Гаврило, господине, Лаптев исшел без отрода. И князь Андрей, господине, Дмитриевичь взял за себя Великое село Гавриловское Лаптева, а Крохинскую, господине, деревню дал к Троицы на Устье. И Троецкой, господине, монастырь оскудел, игумена не стало. А в ту пору, господине, пришел на Белоозеро князь Иван Андреевич да ту, господине, деревню Крохинскую дал в Ферапонтов монастырь по матери своей по княгине Огрофене. А та, господине, деревня была пуста».²³

²⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 141.

²¹ Макаров Н. А., *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 202.

²² Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 85.

²³ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1838. № 6. С. 10.

Отсюда следует, что:

1) Монастырь был поставлен на земле, принадлежавшей боярскому сыну Гавриле Лаптеву. Но до Гаврилы Лаптева, при нем или после него — неясно. Ведь «Гавриловой» земля могла называться и после него. И что означает «поставлен» — «основан», «отстроен» или «поставлен на новом месте»? Мы уже говорили, что монастырь неоднократно был переносим с места на место. Возможно и то, что при Гавриле Лаптеве, примерно в конце XIV — начале XV в., во времена монастырской колонизации русского Севера, монастырь очередной раз был обновлен, отстроен, расширен. Но если бы действительно он был в то время основан, то память об основателе, как память о других тогдашних создателях монастырей, благоговейно сохранялась бы в обители.

2) Князь Андрей Дмитриевич Можайский (1382—1432) выморочную, оставшуюся после бездетного Гаврилы Лаптева деревню Крохинскую подарил Усть-Шехонскому монастырю. Значит, в его годы монастырь казался жизнеспособным.

3) Очень скоро после этого, при сыне Андрея Иване Можайском (наверное, до 1434 г., когда Иван Можайский стал активным участником — то на одной стороне, то на другой — борьбы Василия Васильевича и Дмитрия Шемяки), оказалось, что монастырь оскудел, игумена в нем нет, а деревня Крохинская обезлюдела.

Сколько бы странными ни представлялись нам внезапный после возникновения упадок монастыря и забвение имени его создателя, сомнения П. Строева признать безосновательными мы не можем. Но и уверенности, что монастырь появился в начале XV в., а не раньше, упоминание его вскользь стариками-свидетелями конца XV в. не дает.

Как грамота в конце XV в. составлялась на основании устных показаний свидетелей, так и «Указ о кормах» в конце XVI в. писался, вне сомнений, на основании устных монастырских преданий. Ясно, что точными хронологическими и историческими данными, вообще письменными источниками автор «Указа» для этой части своего повествования не располагал, а базировался лишь на слухах и устных рассказах, монастырских легендах, своего рода эпосе, монастырском фольклоре.

Из области такого фольклора, наверное, — и сообщаемое Повестью (в «Уставе» этого нет) пророчество инока Моисея, современника второго усть-шехонского игумена, Вассиана (стало быть, жившего, приблизительно в начале XIV века), о четырех местах, на которых

предопределено стоять монастырю: на «Переливне», на «Новокрестневе», «в Лимонисе водном» и «среди Посадские стороны на Васильевском Крестце». Мы к этому пророчеству еще вернемся. А сейчас увидим, что писавший справку об Усть-Шехонском монастыре автор середины XIX в. слышал о Моисее, Повести явно не зная: «Троицкий, муж., в уездном городе Белозерске, на посаде. Он был основан в 1341 году князем Глебом Васильевичем Белозерским, сыном св. Василько Ростовского. Из древних иноков здешних известен, по богоугодной жизни, некто Моисей прозорливый, который здесь и погребен. Обитель сия уничтожена, вероятно, весьма давно».²⁴ Дата 1341 г. и называемый этим автором основатель, как мы знаем, несовместимы.

Обратил ли читатель внимание на высказанные в Повести соображения (в «Уставе о кормах» их нет) о происхождении названий Белое озеро и река Шексна? Этимологические заметки о географических названиях — совершенно необязательные с точки зрения главной темы повествования — нередки в повестях о монастырях. Сказание о Спасо-Каменном монастыре, например, объясняет происхождение названий «Княже-Глебова прость» на реках Сухоне и Вологде тем, что князь сократил путь воде этих рек и своим кораблям, перекопав длинные и узкие полуострова, — «И оттолѣ зовется Княже-Глѣбова прость». Объяснение историческое.

Происхождение названия Белого озера объясняется в Повести природными свойствами его воды: «...понеже естество имать воды в себе бело, а вода густа и клейна». Это объяснение, так сказать, естественно-научное. Оно повторено в XVIII в. в «Описании о граде Белоезере» (сохранилось в рукописи 80-х гг. XVIII в. — БАН, 12.8.9).²⁵ Здесь сказано, что сам город Белозерск «как по белой воде, так и по озеру званием тем именуется», озеро же «воду имать в себе белу, густу и клейну» (л. 1—1 об.). Ясно, что автор «Описания» Повесть о монастыре читал и мнение о воде и названии «Белое», которое там выражено, разделял.

Возникновение названия «Шексна» объяснено в Повести слиянием слов «шествие» и «косно». Мысль, как будто, проста, но вторая фраза в этом объяснении — «Приусугублено (*вариант*: приусучле-

²⁴ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. Составлено из достоверных источников Александром Ратшиным. М., 1852. С. 402.

²⁵ См.: Описание Рукописного отдела БАН СССР. Л., 1971. Т. 3, вып. 3: Исторические сборники XVIII—XIX вв. С. 252—253.

но) имя ей и вкратце сложено под неслагательную титлу без прикрова», — боюсь, сама нуждается в пояснениях. Дословно перевести ее на современный русский язык я не смог бы (что значит «неслагательная титла»?). Могу лишь сказать, как я ее понимаю. Прежде всего, более подходящим по смыслу мне кажется странное слово «приусучлено», нежели «приусугублено». «Приусугублено» — «приудвоено», не так ли? Оно никак не подходит. А «приусучлено» — что-то вроде «приукорочено». В «Толковом словаре живого великорусского языка» Вл. Даля можно найти значение глагола «усучивать» — укорачивать (М., 1955. Т. 4. С. 517). Получается, что «Шексна» есть сокращение двух слов — наподобие того, как сокращаются в рукописях слова, которые принято писать под титлом, вроде сынъ — снъ или цезарь — црь. Объяснение филологическое. Но опирающееся, конечно, на народные представления.

Мнение о «косности» течения реки Шексны, свойственное обитателям ее берегов в XVII в., можно сопоставить с мнением о косности плавания по Шексне, свойственным им в 80-х гг. XIX в.: «Пароходы по Шексне ходят вообще не особенно быстро; по объяснению местных людей, они двигаются на 3 версты в час медленнее, чем по Волге, благодаря особенной густоте воды».²⁶ Из этого мнения, кстати сказать, тоже можно «филологическим путем» вывести название реки. Но вернемся к тому, что Повесть рассказывает о монастыре.

На первом своем месте, на Переливне, монастырь стоял, говорится там, двести лет — значит, до или по 1451 г. А это первое переселение последовало за перенесением на новое место города Белозерска. Ниже мы прочтем рассказ «О преселении града Белаозера от Усть-Шексны-реки в Карголом, идеже ныне стоит», в котором переселение города датируется противоречиво: «В лето 6807-го (1399) года, при великом князе Василии Иоанновиче». Но если в 1399 г., то — при Василии Дмитриевиче, а не Иоанновиче. Если же — при Василии Иоанновиче (1505—1533), то не в 1399 г. В списке РГБ, ф. 178, № 3435, в одном из тех, по которым мы подводили разночтения к тексту Повести, дата переселения стоит иная, может быть, чуть более реалистическая — 6997, т.е. 1497 г.:²⁷ ведь если считать двести лет от времени

²⁶ Случевский К. По Северу России: Путешествие Их Имп. Высочеств В. К. Владимира Александровича и В. К. Марии Павловны в 1884 и 1885 годах. СПб., 1886. Т. 1. С. 32.

²⁷ Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 209.

около рассчитанного нами 1277 г., то получится время около 1477 г. К. Случевский же называет датой первого переноса города 1459 г.²⁸ Но автор статьи о Белозерском княжестве в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, скрывшийся за инициалами В. Р., говорит, что первоначально, по преданию, Белозерск, столица племени Весь, участвовавшего в приглашении варягов, стоял на северном берегу Белого озера, и брат Рюрика Синеус два года правил именно там; на южный берег, к истокам Шексны, перенес его князь Владимир; в 1352 г. город был опустошен чумой, «черной смертью», после чего выстроен в 17 верстах к западу; а при Иване III Васильевиче (1462—1505) этот город был окружен валом и стеной, называемыми «рубленая сыпь».²⁹

Как видим, хронология сомнительна и в рассказе «О преселении...». И остается сомнительной в Повести о монастыре. Но, пожалуй, не вызывает сомнений сообщение, что «по переселении же того града на новое место — вверх по Белу озеру, от Шехонского устья десять поприщ, начат тот монастырь подмывати водою. И с того места преставиша монастырь на прежнее градское место, емуже имя Новокрестное, а ныне зовомо Угольный мыс — на Усть-Шексны-реки». Н. А. Макаров и Н. А. Охотина-Линд пишут, что в «урочище “Новокрестное” или “Угольный мыс” монастырь был перенесен... на рубеже XV—XVI вв., на этом месте он простоял до 1515 г.»³⁰ Странно, конечно, что монастырь поставили на место города, покинутое, несомненно, потому, что город тоже подмывала вода. Очевидно, монастырь она подмывала сильнее.

Не исключено, что покинутое городом место стало принадлежать Гавриле Лаптеву. Вспомним, что его владения в начале XV в. распространялись «до устья до Белозерского и до Шехонского». И если близки к истине даты переноса города 1352 и 1399 гг., тогда слова стариков Гриди Лимонова и Иева Терехова «а и монастырь, господине, Троецкой, поставлен на Гаврилове земле» имеют в виду строительство монастыря на его втором месте.

Простояв несколько лет на новом месте, монастырь сгорел. Не этим ли объясняется его внезапный столь глубокий упадок, что и игумена в нем не стало?

²⁸ Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 35.

²⁹ Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. 9 (V). С. 220.

³⁰ Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 194.

Но монастырь возродили. И на своем втором месте он оставался, говорится в Повести, 63 года. Цифра почерпнута, я думаю, из каких-то монастырских записей, либо тоже из устных преданий. И естественно, что и «на том месте начат одолевати вода и подмывати тот монастырь»; и пришлось во второй раз его переносить — «по Шексне реке яко полтора поприща (в Московском списке: яко версту едину; в Новгородском: “яко поприще едино”», на место, нарицаемо Лимонское» — по камню «Лимонису», торчащему из Шексны реки напротив монастыря («Лимонис Водный» пророчества).

На этом, третьем месте построили две церкви, одну из них зимнюю. Обе необычайной, если верить автору, красоты и высоты. Первую он описывает как «зело чюдну и високу, крестообразну же и пространну в широту. В высоту убо сажен тридцать семь». Затем со стороны реки была поставлена вторая. Она имела шатровый верх «в высоту сажен девятнадцать». (Если считать, что в сажени 2.336 м, то высота летней церкви получается 86.433 м, а зимней 44.384 м. Когда вспоминаешь Кижский погост, эта невероятная высота начинает казаться вероятной.)

Наконец, кажется, мы добрались до точных данных. Почему кажется? Потому что летняя церковь, когда автор писал, еще стояла, он ее форму и высоту должен был видеть. И он мог знать из какой-то записи — на самой ли, как это бывает, церкви или же из каких-то записок о монастырском строительстве, что она «тут ныне стоит сто пять лет». Или, опять же, люди об этом помнили. Пусть люди, но все равно указание на возраст церкви заслуживает, представляется, большего доверия, чем прежние даты, потому что все-таки речь идет о времени, более к автору близком.

Ну хорошо, отнимем от 1620 сто пять и получим 1515 г. как время строительства церкви в монастыре на его третьем месте. А если вычтем еще число лет, которое монастырь простоял на втором месте, 63, то получим 1452 г. как время переноса его с первоначального места на место, покинутое городом. И тем самым убедимся, что автор Повести тоже эти расчеты проделывал, ибо датировал основание монастыря, как мы помним, 1251 г. и сообщил, что на месте основания, на Переливне, монастырь простоял двести лет, т. е., как мы посчитали, по 1451 г. А 1251 г. не соответствует хронологии жизни Михаила Глебовича и свидетельствует, как мы уже знаем, о внутренней противоречивости хронологии Повести...

А что если церковь, построенная в 1515 г., не была первой после переноса монастыря на новое, третье место? Может быть, автор По-

вести сам не понял сведений, которыми располагал, и отсюда его путаница с хронологией? Если в первый раз монастырь переставили (на землю Гаврилы Лаптева) в конце XIV в. и он простоял там 63 года, то на третье место он переехал незадолго до 1463 г. П. Строев начинает свой перечень усть-шехонских игуменов именами Гурия и Михаила — двух игуменов XV в., не указывая точных дат.³¹ Их предшественники, в том числе выходец с Валаама Геннадий и его преемник Вассиан, ему неизвестны. Быть может, до П. Строева дошли сведения об игуменах, руководивших монастырем только на его последнем, третьем месте?

А дальше в Повести — опять точные сведения: упомянутый следом за летним теплым шатровым храмом девятнадцати сажень в высоту автору самому видеть не довелось, но он точно знает время, когда тот построили и когда его по причине обветшания заменили новым, деревянным: в 7030 (1522) г. построили, а в (70)92 (1584) г. заменили. Значит, за строительство прежнего теплого храма взялись спустя семь лет после того, как возвели необыкновенно высокий летний (1515 г.).

Автор, писавший в 1620 г., если он был уже немолод, мог сам быть свидетелем возведения в 1584 г. новой теплой церкви. Во всяком случае, мог знать это видевших.

А вот дальше в Повести говорится о том, что, вне всяких сомнений, автор сам видел, но чего мы тоже никогда уже не увидим, — о месте, на котором стоял монастырь. Обитель со всех сторон была окружена водой: с севера — касающейся монастырской ограды рекой Шексной, с востока — «речкой Волхонкой у Ваягова (или Буягова) поля», с юга — непроходимыми болотом и зарослями, а с запада, «от Белаозера же» (или «от Бела озера»?) — речкой Карголкой. Около этой речки помещалась под монастырем слободка Каргулино. Название места Карголом, куда был перенесен город Белозерск, очевидно, как-то с названием речки связано.

Начинает автор это описание местности почти жалобными словами: «Сей же монастырь под собою место имать обоюду непространно и тесноту имущи многу». А теперь вспомним пересказанное им раньше пророчество — что монастырь будет стоять на четырех местах, и сообразим, что это описываемое им тесное место — ведь только тресте. Четвертое, по пророчеству, напоминаю, — «среди Посадские сто-

³¹ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. С. 85–87.

роны на Васильевском Крестце, где прежде была соборная церковь Великаго Василия и где ныне почивает благоверный князь Глеб». Не намекает ли автор, не говоря этого прямо, что монастырь надо перенести опять — из тесной водяной петли у камня Лимонис на место упокоения создателя обители, благоверного князя Глеба Васильковича? Пророчество ведь, получается, не полностью сбылось.

Тема, однако, тут же меняется: речь заходит о дисциплине. Кажется, это болезненная для автора тема. Автор, может быть (фантазирую), подумал: о каком может идти речь переселении и распространении монастыря, сколь бы желанными они ни были, когда среди его братии нет мира и любви! Ведь большинство иноков в монастыре и бельцов, «сработавших ему», живут «ненависть имуще, и мало душу подъемлюще, и роптание держаще, и расколы гоняще».

Если мы опять обратимся к пророчеству, то увидим, что тема здесь меняется точно так же, как там. Ведь пророчествовавший инок Моисей говорит в Повести: «И аще начнут братия радети святому месту сему, и меж собою духовную любовь имети с верою же и правдою и терпением благодарным, и со смиренномудрием жити, то монастырь сий ничем не оскудеет, но и паче распространитца...».

О том и мечтал автор Повести, о чем пророчествовал у него инок Моисей.

Естественным образом единая в своем развитии основная часть повествования оканчивается нравоучением: «Сего ради, братие, какова хошем к себе брата своего, такови подщимся и сами ему быти...» Я думаю, писал Повесть игумен, глава монастыря. Кто бы иной чувствовал себя вправе учительски обращаться ко всей братии?

Завершил автор свое поучение просьбой к инокам молиться о нем «окаянном» — чтобы не лишился он ни их, ни вечного покоя: «...да и аз не лишуся вас, вечного покоя». Может быть, что-то пропущено и должно быть, допустим, «вас ради...»? Чего-то, кажется, во фразе недостает. Но все-таки возможно и то, что игумену что-то угрожало, вследствие чего он мог расстаться со своей братией, а при этом лишиться и вечного покоя. Вскоре у нас будет случай убедиться в вероятности такого допущения.

Заглядывая в «Списки иерархов и настоятелей монастырей» П. Строева (с. 85–87), видим, что как раз после 1620 г. в Усть-Шехонском монастыре сменился игумен: с 1615 г. по 1620-й во главе обители стоял некто Матфей, а в 1621 и 1622 гг. — Нифонт. Возможно, таким образом, что имя автора Повести — Матфей.

3. Дополнения к основе

В семнадцатом веке монастырь претерпел множество бедствий и начал клониться к упадку. Таких церквей, как в предыдущем столетии, здесь уже не сооружали, разве что в самом начале века.

Мы видели, что в Повести дальше речь снова идет о церковном строительстве, — говорится, что в 1604 г., при игумене Маркеле (по П. Строеву, 1604–1614 гг.), при строителе старце Иоасафе по прозвищу Луженый в монастыре поставили (по контексту ясно, что начали ставить) теплую церковь, опять со стороны реки, «о пяти версах, с каменоделного подобия». Значит — пятиглавую деревянную, повторяющую по форме каменные; «зело чюдну, и пространну, и високу». Ее завершили в 1607 г., освятили в 1609-м, а в 1613-м, 6 февраля, она сгорела, и из нее ничего не успели вынести, «зельнаго ради жара и преодолевшаго огня».

28 июня 1612 г. в монастырь из Москвы прибыл «некто черноризец <...> именем Иосиф» с грамотой, свидетельствовавшей, что он назначен на должность строителя. Насельники монастыря, наверное, не успели еще понять, какое бедствие с прибытием этого человека их постигает, как 30 июля 1612 г. стряслась очевидная беда: Белозерск и Троицкая обитель подверглись нападению одного из бродячих польско-украинских отрядов. Хотя отряд был невелик, город он сжег, множество жителей перебил, монастырь разграбил. Белозерск после этого покинул Карголом: «...оттуда в 1612 г., разоренный шайкою вольницы, поставлен на настоящее, третье место».³²

Видимо, город пострадал первым, и монахи «и прочия люди монастырские» успели укрыться в непроходимых болотистых чащах «и здравие добре получиша» — остались живы-здоровы. Вернувшись, иноки увидели, что поляки и «украинных городов люди» в Божиих церквах «пакость многую учинили», «Божеству ругались, и оклады с образов здирали, и образы на землю метали».

А через полгода пожар уничтожил, как мы знаем, еще новую теплую церковь.

Но, кажется, эти единократные несчастья — нашествие разбойников-иноплеменников и пожар — вскоре представились обитателям монастыря не такими уж страшными по сравнению с продолжитель-

³² Случевский К. По Северу России: Путешествие Их Имп. Высочеств В. К. Владимира Александровича и В. К. Марии Павловны в 1884 и 1885 годах. С. 35.

ной хозяйственной, вернее, антихозяйственной, деятельностью в нем строителя Иосифа: рассказ об Иосифе, начинающийся временем его прибытия в монастырь (до нападения поляков и пожара), рассказчик продолжает по 2 февраля 1617 г., не упоминая о нападении и о пожаре. Об этом говорится отдельно, о пожаре — раньше, а о нападении позже, в конце всей Повести.

Четыре года хозяйничанья Иосифа в обители назвали там «неуставным временем». За эти годы добрые люди Усть-Шехонского монастыря хорошо поняли, что Иосиф — не строитель, каким ему полагалось быть, а разоритель, «зол человек, смутник и расколник», «злый волк», «плотяный бес». Судя по тому, что о нем сказано в Повести, этот представитель наступившего «бунташного века» был одержим страстью стяжательства, властолюбив, циничен, хитер и в средствах неразборчив. Он «благочиние разорил, а сокровища монастырская истошил, а братии всякую скорбь и тесноту нанес», «о святом месте никакоже порадея, ни же радеющим воли даяше, но смутами и расколами пресекаше, и неразумными кознями ков воздвизаше, яко плотяный бес, и готовя елика святому месту на разорение и пагубу, а братии на тщету и разгнание, себе же на собиране богатства и неправедную корысть».

Погоревшая при нем теплая церковь за время его пребывания в монастыре так и не была заменена новой, и братия «церковное пение зимой совершали в столовой кельи» — там, где ели.

Но потом обитатели обители собрались с духом и силами. Может быть, они навели справки и узнали, что грамоту, назначавшую его к ним в монастырь строителем, Иосиф «искупи мздою у дьяков на Москве». И это придало им решимости, и они изгнали этого гостя из будущего, вызванного оттуда Смутным временем.

Н. А. Макаров и Н. А. Охотина-Линд по этому поводу пишут: «Эпизод Сказания о конфликте братии Усть-Шехонского монастыря с посланным из Москвы строителем Иосифом полностью подтверждается сохранившейся грамотой о событиях 1614–1615 гг. Царская грамота Белозерскому воеводе Ивану Головину о взятии на поруки старцев Троицкого, что на р. Шексне, монастыря и о присылке их в Москву к Николину дню весеннему по делу о покушении их на жизнь строителя того же монастыря Иосифа. 1615, апреля 5 “бил нам челом Бѣлозерского уѣзда Троецкого монастыря, что на устье Шексны рѣки, строитель Иосиф Чудовский того ж монастыря на черного попа Никандра, да на старцов на крылошенина на Матвѣя, да на Иону Панина, на Пер-

фирья Костенкова, а сказал: в прошлом де во 122 (1614) году, генваря в 30 день, стакався тѣ старцы Никандр с братею, которые в сей нашей грамотѣ имяны писаны, его, Иосифа, хотѣли убить до смерти и вкинут в реку риясь тому, что по нашему указу, а не по их челобитью, велѣно ему быть в том монастырѣ в строителех, и в тѣ де поры убили они казначея Варлама до полусмерти да пономаря старца Феодосия зарѣзали до смерти, а он де Иосиф ушел от них в город Бѣлоозеро душею да тѣлом; и тѣ де старцы Никандр с братею послѣ его в том монастырѣ ограбили его келью...»³³ Как мы видим, на основании грамоты складывается картина, что в монастыре шла борьба между двумя группировками, поскольку у строителя Иосифа были единомышленники».³⁴ И Н. А. Макаров, и Н. А. Охотина-Линд делают примечание: «Г. М. Прохоров безоговорочно принял сторону составителя редакции Сказания 1620 г., рисуящего строителя Иосифа как воплощение зла и разорителя монастыря. (...) Но как мы видим, обвинения и жалобы были взаимными, и вряд ли мы сейчас вправе давать какие-либо моральные оценки участникам тех событий».³⁵

Из жалобы Иосифа следует, что в монастыре произошла серьезная драка, с убийством. И, разумеется, мы не вправе принимать, морализируя теперь, ничью там сторону. Но мы не вправе и пренебрегать суждениями современника, если не очевидца событий, автора Повести, которую читаем. О части насельников монастыря он пишет, как мы видели, тоже нелестно.

На деньги, какие смогли после строителя Иосифа собрать, в монастыре возвели очередную, гораздо более скромную, чем прежние, теплую, зимнюю церковь: низкую, о двух верхах, тоже деревянную, по образцу каменных — «на каменное подобие»; и освятили ее 2 февраля 1617 г.

Ясно, что игумен Матфей, при котором была построена новая церковь, возможный, как я думаю, автор Повести, был одним из или сторонником людей, боровшихся с «лжеименитым строителем», хотя он и не назван в его жалобе.

³³ Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 706–708. № 175 (В заголовке грамоты опечатка: 1651 г. вместо 1615 г.)

³⁴ Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 194.

³⁵ Там же. С. 200.

4. Монастырская летопись

Вот, получилось, мы как бы перечли Повесть по основным ее спискам. И мы увидели, что это монастырская хроника, своего рода летопись, базирующаяся на монастырских записях конца XVI в. в «Указе о кормах» (в свою очередь базирующихся на устных монастырских преданиях-легендах, несомненно, исторических в основе, но несомненно же, многое в хронологии перепутавших), а также на надписях или документах, рассказах стариков-очевидцев и на собственных наблюдениях писателя-редактора. Мы различили в повествовании редакцию, созданную в 1620 г. одним человеком, вероятно, игуменом Матфеем, и даже составили суждение о его возможной заинтересованности — во-первых, в утверждении большей древности в Вологодских землях его монастыря относительно основанного тем же князем Глебом Спасо-Каменного; а во-вторых — в перенесении его на четвертое, указанное им через пророчество, пространное место. Может быть, он сам и продолжил созданную им и завершенную проповедью редакцию, а может быть (если его опасения оказались не напрасны и, расставшись с игуменством, он расстался и с братией), кто-то сделал это уже после него.

Но в любом случае Повесть эта — общее монастырское достояние, благодаря своей задаче, тематике прежде всего. И она не надписана ведь ничьим авторским именем и открыта для сотворчества, продолжения другими. Как и настоящая русская летопись, это сочинение в принципе коллективно-безымянно-авторское.

Кстати сказать, писец, сделавший в 1685 г. список РНБ, Q. XVII. 80, который мы приняли за основной при воспроизведении текста Повести, как раз и назвал ее «летописцем»: «193 л(ета) написал список с старого лѣтописца и послал в Савин Сторожевский монастырь». Эта запись — на предшествующем Повести чистом листе (16-м), и ниже ее на странице — лишь сокращенное название Повести: «О зачалѣ и о создании Троицкого монастыря, что на Усть-Шексны-реки». Так что сомнений, что название «летописец» относится именно к Повести, никаких нет.

Один из соавторов (вероятно, в конце XVII в., когда была создана в Вологде рукопись, хранящаяся ныне в Новгородском музее под номером 10934) слегка отредактировал Повесть — сделал многочисленные, но незначительные изменения, вставки, пропуски (их можно видеть по разночтениям списка Н), но притом и изменил смысл одного важного места — где автор говорит о плохом нравственном состоя-

нии большинства братии и «бельцов», работающих в монастыре (как мы помним, тот пишет, что они живут, «ненависть имуще, и мало душу подъемлюще, и роптание держаще, и расколы гоняще», и лишь немногие из них «любовь имут и незлобием ходят»). Это место редактор переделал в «беспроблемном», «лакирующем» действительность духе: «Братия же в монастыри том и бельцы, работающии ему мнози, свою жизнь препровождают в нем, имуще незлобие и любовь, и долготерпение подъемлюще, и согласие имуще, и благодарение держаще, ждуще общего упования и покоя вечнаго тамо обрести от Бога». Ясно, что заботы редактора 1620 г. были ему уже чужды.

Похоже, что этот новый редактор располагал основой Повести лишь с самым первым к ней дополнением, касающимся церкви, построенной в 1604 г. и сгоревшей в 1612 г. Но последние слова этого списка — о четырех годах «неуставного времени» — заставляют допустить, что он видел рассказ о «лжеименитом» строителе Иосифе и сознательно, движимый тем же побуждением говорить только хорошее о внутренней жизни монастыря, его опустил.

Подобным желанием, похоже, руководствовался и продолжатель Повести в XVIII в. Он объяснил задержку с восстановлением сгоревшей церкви так: «Понеже бо в людех мор бысть и нашествие ляхов на всю Российскую землю и на вся пределы Северных страны. И по сем возградися монастырь во всем по-прежнему». Он сказал, как видим, лишь о внешних, «объективных» помехах для восстановления. И при этом указал одну новую, нам доселе не известную, — мор в людях, эпидемию.

Этот продолжатель продолжил Повесть сообщением о строительстве в монастыре в 1655 г., при игумене Данииле по прозвищу Лощадь, дав при этом хорошее — в стиле первоначального автора — описание новых сооружений: «...поставлена церковь Живоначальная Троицы крестообразная о пяти верхах, и с западную страну — паперть Забирная и сходы двокровная, и теплая церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы, и в ней — придел великомученика Димитрия Селунскаго, и проходы на трубах, на середине их — колокольня шатровая, да ограду монастыря, и двои врата — всё от дерева построено». Мне кажется, описания в Повести деревянных строений заслуживают внимания историков архитектуры.

Есть еще три датированных дополнения к Повести в Новгородском списке, но они относятся к XVIII в., и поэтому мы пока от них отвлечемся.

5. «Неслагательная титла» и «слагательный разум»

В Отделе рукописей Библиотеки РАН в разряде «Текущие поступления» под номером 613 хранится рукописная книга XVII в., содержащая на л. 255–269 «Послание к некоему иноку о хмелю» — почти художественное произведение о вреде пьянства. Из самого этого послания явствует, что оно написано «много согрешивым и непотребным Матфеем» в «обители Живоначалнаго и Безначалнаго Пресущественнаго Триипостаснаго Единосущнаго и Неразделнаго Трисолнечнаго Божества, Пресвятыя Живоначалныя Троица» в ответ на письменную просьбу, присланную «с Вологодские страны на Усть-Шексню» неким «возлюбленным о Христе братом» кир Моисеем.

Листы бумаги с «Посланием к некоему иноку о хмелю» имеют в верхнем внутреннем углу (рукопись в 8-ку) водяной знак «дом» под крестом и змеей (л. 263, 265 и 268), указывающий на 1629 г.³⁶ Так что список Послания был сделан спустя немного лет после создания известной нам редакции Повести.

На обороте последнего, 236-го листа рукописи есть владельческая запись почерком XVII–XVIII вв.: «Сия книга, глаголемая Сборникъ, Бѣлозерского уѣзду Судского стану Хилецкой волости церковного причетника Данила Стефанова. А подписал сию книгу своею рукою» (о том же сообщает запись по нижнему полю первых листов книги). Видимо, список Послания восходит к авторской копии, а не к получательскому ее экземпляру, потому что тот должен был ведь уйти из Белозерья в «Вологодскую страну».

О Послании сообщила обнаружившая этот его список Н. С. Демкова.³⁷ В соавторстве с Т. А. Махновец она его напечатала.³⁸

Итак, перед нами — третье (если считать «Указ о кормах» первым) литературное произведение, созданное в Троицком Усть-Шехонском монастыре (издательницы Послания монастырь почему-то не отождествили: «Под Вологдой, — пишут они, — существовало несколько Троицких монастырей»).

³⁶ См.: Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Филигранные XVII в.: По рукописным источникам ГИМ: Каталог. М., 1988, № 527. А. А. Амосов, любезно помогший мне определить филигрань, заметил, что знак такого типа исчезает в 40-х гг. XVII в.

³⁷ Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 164–165.

³⁸ Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 244–249.

Имя автора Послания — заметили? — как раз то, какое мы сочли вероятным именем автора-редактора Повести о монастыре.

Как отмечают издательницы Послания о хмеле, в древнерусской литературе немало назидательных сочинений, обличающих пороки пьянства; среди них одно из самых поздних, это Послание обнаруживает «наибольшую снисходительность к человеческим слабостям» и широко использует тексты, написанные на ту же тему ранее.³⁹ Дуная часть его работы. Прочтем его вместе:

«Писал ты ко мнѣ, недостойному, с Вологодские страны на Усть-Шексню писати тебе о пьянственном питии и о хмельном буйстве, и о егово злохитрстве, и о человечестѣй погибели от хмелю, и о пьянственной безвестной смерти, и молил мя еси убѣдиться на се. И азъ, поминаючи к себѣ прежнюю твою духовную любовь и многая твоя благохотѣния и добродѣйства, пишу ти от недомыслия моего и маломумия, елико Богъ вразумит мя и твоя святая молитвы помогут мнѣ, и елика мало смыслю от моего безумия и забвения ума, понеже в Афинѣх есмь не бывал, и с философы не живал, и мудрости никакие ся не научил, и с риторы не бесѣдовал, и книгам гораздо не навикль и слагательному разуму от них не наказанъ, но сие о сем по ряду о всем возлюбленному моему о Христѣ брату кир Моисею много согрѣшивый и непотрѣбный Матфей много челом бью и писанийцом бесѣдую в разстоянии жития сие».⁴⁰

В этом небольшом, с большими этикетными самоуничижительными формулами вступлении мы находим словечко, странное словечко «слагательный» («слагательный разум»), заставляющее вспомнить другое странное словечко — «неслагательный» («неслагательная титла») из той фразы в Повести о монастыре, перевести которую я признал себя неспособным. По стилю отождествлять авторов древнерусских литературных произведений очень трудно, почти невозможно; но и не обращать внимания на совпадения раритетов неразумно.

В Послании о хмеле за вступлением следует, так сказать, художественная часть, где олицетворенный Хмель, связанный по рукам и ногам победившим его человеком, открывает тому все свои приемы погубления людей. А в конце автор снова прямо обращается к заказчику-читателю и говорит ему среди прочего: что бывает, когда пьют больше трех «кратирцев» «гарѣльного вина»:

³⁹ Памятники литературы Древней Руси: XVII век. С. 616–617.

⁴⁰ Там же. С. 244.

«Бывает же и на проспании от похмелья сего множицею смерть, якоже и отец мой от похмелья безвестную вкусил смерть и окаянную кончину подъят».⁴¹ Так что и у этого писателя XVII в., как и у протопопа Аввакума, отец «прилежал» хмельному питию. Да и о себе самом он пишет, смущаясь: «А еже ти пишу сице, и сим во всем всяко сам себе осужаю, паче же и горши сего содѣваю. О горе мнѣ, прелюбодею!»⁴²

Но, я думаю, хорошо знакомых с пьянством людей и в те времена, как и сейчас, было больше, чем хорошо пишущих; так что корреспондент — заказчик Послания, вологодский инок Моисей, решив бороться с хмелем, обратился к усть-шехонскому монаху Матфею, наверное, потому, что знал, что тот не только его поймет, но и написать ему сможет. Не обработкой ли и дополнением «Устава о кормах», созданием посвященной монастырю повести-летописи, объясняется известность Матфея как пишущего человека?

В ответ на этот мой риторический вопрос Н. А. Макаров и Н. А. Охотина-Линд заметили: «...мы можем точно сказать, что Матфей в лучшем случае мог быть составителем редакции Сказания 1620 г. Вообще же, по нашему мнению, авторство (точнее, составительство) Матфея хотя теоретически и вероятно, но все же нуждается в дополнительной аргументации».⁴³ Как раз о *теоретической* вероятности этого я и говорю. Что же касается дополнительной аргументации, — нужду в ней может удовлетворить разве только случай, вроде того, что сделал известным «Послание о хмеле».

Как бы то ни было и как бы с авторством-редакцией Матфея ни обстояло дело, мы теперь видели, что в XVII в. в Усть-Шехонском монастыре писали не только хроникальные заметки.

6. Документы

Обратимся теперь к другим доступным нам материалам, касающимся жизни Усть-Шехонского монастыря в XVII столетии.

Разумеется, мы не претендуем на участие в коллективе авторов — автора заметок в «Уставе о кормах», создателей и продолжателей Повести. Произведения такого рода *были* открыты для сотворчества, — пока была жива та литература, та культура, та среда, те коллек-

⁴¹ Памятники литературы Древней Руси: XVII век. С. 248.

⁴² Там же. С. 249.

⁴³ Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 200.

тивы, о которых они свидетельствуют. Мы уже не имеем права как бы то ни было вторгаться в них «со своим пером», даже если бы взбрела нам в голову такая странная мысль. Однако же дополнить здесь сведения Повести тем немногим, что удалось разыскать о жизни Троицкого Усть-Шехонского монастыря в XVII в., когда он стал центром некоторой литературной работы, представляется уместным.

1) Приходно-расходная книга 1630 г.

В архиве Санкт-Петербургского Института истории в коллекции 115 под номером 899 хранится тетрадка на 59 листах, на л. 2 которой почерком XVII в. написано: «Приходная». Это приходно-расходная книга Троицкого Усть-Шехонского монастыря за 1630 г. Начинается она (л. 3) записью: «Лѣта 7138 (1630) года июля въ 1 день. Книги приходные денгам. По благословению отца нашего игумена Варсонофия Троецкого монастыря еже о Христе з братьею, послан старец Иосиф Лазарев в казенную кѣлью. Велено ему вѣдати Троецкая казна». На л. 45 той же тетрадки — схожая запись «Лѣта 7138 (1630), июля въ 1 день. Книги приходные платью, обуви. По благословению отца нашего игумена Варсонофия Троецкого монастыря еже о Христе з братьею, послан старец Иосиф Лазарев в казенную кѣлью. Велено ему вѣдати Троецкая казна».

Значит, 1 июля 1630 г. старец Иосиф Лазарев, получив в свое ведение казну, одежду и обувь Троицкого монастыря, завел эту тетрадку, в которой и стал делать соответствующие пометы. Игумен Варсофоний правил Усть-Шехонским монастырем, по П. Строеву, между 1630 и 1642 гг. Наверное, он поставил старца Иосифа казначеем, начиная свое правление.

Думаю, что это не тот лжеименный строитель Иосиф, которого выгнали из монастыря в 1616 г. Но кто знает! Ведь не исключено, что он опять подкупил — наворованными в монастыре деньгами — патриарших дьяков и вернулся в обитель победителем над добрыми людьми.

Казначей Иосифа Лазарева проверяли. На поврежденном первом листе его тетрадки можно разобрать: «...девятого году (1631) <...> а по сей <...> книшке на соборе считали, да руки приклали игумен поп Серапион по чetyредесять...».

В самой тетрадке несколько раз после хозяйственных записей встречаются свидетельства того, что ревизоры ее в руки брали и руку к ней прикладывали. Кстати сказать, по оставленным ими распискам заметно продвижение по службе попа Серапиона. Сначала он прове-

рял старца Иосифа вместе с благословившим того на казначейство игуменом Варсонофием. На л. 37 читаем: «Игумен Варсонофей руки приложил книгам. Черный поп Серапион руку приложил. Сам руку приложил». «Сам» — по-видимому, писавший это казначей Иосиф Лазарев: имена игумена Варсонофия, «черного» попа Серапиона и казначея Иосифа читаются рядом в записях-скрепах, сделанных по нижнему полю листов тетрадки. А на л. 40 об. видим расписку «черного попа Серапиона» уже в качестве игумена: «Игумень черной поп Серапион руку приложил». Тут опять и казначей «Иосиф руку приложил». Значит, игумен сменился, а казначей остался.

Как видим, Серапион проверял казну еще в игуменство Варсонофия; вступая на его место в 1631 г., он, вероятно, и учинил ту проверку, о которой сообщается на поврежденном ныне первом листе приходно-расходной тетрадки.

Разумеется, записи и расписки в приходно-расходной книге — не литература. Но — своеобразное дополнение как к хроникальным заметкам, так и — своей ненавязчивой дидактичностью — к поучениям о вреде пьянства.

2) Патриаршья грамота и монастырская отписка 1655 г.

Существуют еще два поучительных документа XVII в., из которых мы узнаем о другом малоприятном деле, касающемся Усть-Шехонского Троицкого монастыря.

В Парижской Национальной библиотеке в Департаменте манускриптов под шифром Slave. 68 хранится коробка с десятью «столбцами» — оригиналами грамот, присланных из Москвы в Кирилло-Белозерский монастырь в XVII в., причем к некоторым из них подклеены копии ответов на них из монастыря в Москву. Это часть кирилло-белозерского архива. Второй из столбцов, составленный патриаршей грамотой в монастырь и копией ответа из монастыря, имеет отношение к Усть-Шехонской обители. Из этих грамот становится ясным следующее.

8 сентября 1655 г. в патриаршем разряде в Москве дьяк Иван Кокошилов написал, а 7 октября 1655 г. некий стрелец принес в Кирилло-Белозерский монастырь грамоту, адресованную от имени патриарха архимандриту Митрофану, старцу Савватию Юшкову и келарю старцу Матфею с братией. В грамоте сообщалось (начало ее утрачено, но она вся пересказана в ответном послании), что по указу патриарха «з Белаозера ис Троецкого монастыря с Усть-Шексны реки» был

взят строитель старец Филарет, переведен в основанный Никоном в Новгородском уезде Иверский монастырь и поставлен там келарем. Однако оттуда он сбежал, «не дав в монастырской казне отчету». Причем, сбежал не один, а со служками. До московских чиновников дошел слух, что он вернулся туда, откуда был взят, и «ныне де он живет и с служками в том же Троицком монастыре на Усть-Шексны реки». Грамотой предписывалось послать кирилловского келаря Матфея со слугами в Усть-Шехонский Троицкий монастырь для сыску беглого келаря, старца Филарета, и служек. Велено было, сыскав их, заковать и на монастырских подводах доставить в Москву, по пути наблюдая, «чтобы они над собою дурна никакова не учинили и з дороги не ушли».

Через пять дней, 12 октября, из Кириллова монастыря отправилась сыскная экспедиция во главе с келарем старцем Матфеем к истокам Шексны. Из дополнений к занимающей нас Повести мы знаем, что игуменом Троицкого монастыря в 1655 г. был Даниил по прозвищу Лошадь. К нему, очевидно, и обратился командир кирилло-белозерской команды келарь Матфей.

И уже на следующий день, 13 октября, в Москву с монастырским слугой Евсевием Ащериным была отправлена дьяку Ивану Кокошилову ответная грамота («отписка») кирилло-белозерского руководства — о выполнении предписания. На обороте ее копии отмечено: «И к строителю Паисею писано» (наверное — в пострадавший Иверский монастырь человеку, под началом которого там служил старец Филарет).

Из «отписки» ясно следующее. Не давший отчета старец Филарет был в Троицкой обители сыскан; а служки — нет: «...а про служек, государь, которые с ним, с старцем Филаретом, из Иверского монастыря бежали, Троецкаго монастыря Усть-Шексны-реки игумен Феодосий з братьею сказали: в Троецком де монастыре их нет, и не бывали, и про них не знают».

Монастырские слуги Евсейка Ащерин да Ивашка Козмин с товарищи, сковав старца Филарета, посадили его на усть-шехонскую подводу и повезли в Москву, путем, наверное, зорко глядя, как предписано, чтобы тот «над собою дурна какова не учинил и з дороги не ушел». В Москве они должны были сдать его и «отписку» в патриаршем разряде «боярину Борису Ивановичу Нелединскому, да дьяку Ивану Кокошилову, да Лукьяну Толосову». Что, наверное, и было в точности ими исполнено. Бывали, впрочем, случаи, когда перевозимые в оковах арестанты «из желез» убегали, как, например, старец Киприан, который в 1657 г. по пути в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь

из муромского Спасского монастыря «в Пошехонском уезде у реки Шексны в деревне Василисице ушел безвесно». Но у того был лишь один конвоир (мог задремать), а у старца Филарета их было много.⁴⁴

Вот такая еще одна неприятная история была связана с Усть-Шехонским монастырем в XVII в. Опять с его строителем. Еще раз вспомним, что автор повести «О зачале и создании...» в 1620 г., через четыре года после-изгнания «лжеименитого строителя Иосифа», писал о тяжелом нравственном состоянии большинства братии. Возможно, он же с хорошим знанием дела написал вологодскому иноку сочинение о губительности пьянства. Вспомним, кстати сказать, и вот что: чтобы стать строителем, Иосиф подкупил дьяков в том самом патриаршем разряде, куда повезли скованного старца Филарета. Нравственный уровень московских дьяков к середине века по сравнению с его состоянием в Смутное время мог, допустим, повыситься, а вот раны, нанесенные Иосифом духу провинциального «стада Христова», которое он, как сказано в Повести, «разврати и распуди», заживали, должно быть, медленней. Да и атмосфера начатых патриархом Никоном церковных реформ и гонений не способствовала оздоровлению обстановки. Возможно, впрочем, что бегство старца Филарета и служек было их сильной реакцией на Никоновы нововведения.

3) Опись монастырского имущества 1661 г.

Когда происходила история со старцем-беглецом Филаретом, Троицкий Усть-Шехонский монастырь уже не был полностью самостоятелен. По сведениям П. Строева (с. 85), 30 июля 1651 г. этот монастырь был приписан к Саввину Сторожевскому. Как мы увидим дальше, одна обитель в конце концов поглотила другую, но увидим также, что это произошло не в один миг — процесс поглощения шел постепенно.

В 1661 г. была составлена Опись имущества Усть-Шехонского монастыря:⁴⁵ «Лѣта 7169 (1661) декабря в 6 день, по указу великого гос-

⁴⁴ Тексты этих документов и более подробно о них см.: Прохоров Г. М. Две грамоты 1655 г.: из Москвы в Кирилло-Белозерский монастырь и обратно. С приложением других документов // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Т. 26. С. 222–232.

⁴⁵ Государственный архив Вологодской области (ГАВО), ф. 883, оп. I, № 31. Часть этой Описи опубликована в кн.: Деловая письменность Русского Севера XVII века: Материалы к практическим занятиям по истории русского языка. Вологда, 1986. С. 21–22. (Вологодский гос. пед. ин-т). Под номерами 231 и 51 в Архиве сохранились также Описи Троицкого Усть-Шехонского монастыря 1674 и 1679 гг. Далее я их тоже цитирую.

подина преосвященного Маркѣла, архиепископа Вологодскаго и Белоозерскаго, и по наказной памяти, велено ехать архиепископлю сыну боярскому Федору Блинову в Белозерский уездъ въ Троецкой монастырь, что на Усть-Шексны реки, и велено взять у келаря или у казначея прежняя описныя книги, по чему онѣ в том монастырѣ владѣют, да, примѣряяся к тѣмъ прежним описнымъ книгамъ, пересмотря все на лицо, переписать церкви Божии и в церквах Божие милосердие: образы, и у образов приклады, и сосуды церковныи и мѣдныя, и поставныи свѣчи, и книги, и ризы, и стихари, и всякую церковную утварь, и на колокольнице колокола, и в монастырской казнѣ государевы царевы и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца жаловалныя грамоты, и в казнѣ же деньги и всякую монастырскую казну, и кабалы денежныя и хлебныя все порознь и по статьям, и в монастырѣ во всѣх службах и в поварне, и в хлѣбне всякия сосуды, котлы желѣзные и мѣдныя и сковородки мѣдныя, и всякия сосуды мѣдныя и оловянные, и на монастырскомъ на конюшенном и на коровьем дворех и по селам лошади стоялыя и обиходныя, и волы, и коровы, и всякую мѣлкую животину, и в монастырских житницах в монастырѣ и по селам всякой сухой хлѣбъ и на поле стоячей, и мелницы монастырскыя, и рыбныя ловли, и всякыя монастырскыя угодыя, и в монастырѣ же и в селех всякихъ монастырскихъ служебников и крестьян, и бобылей всѣх имянно переписать в двой описныя книги и, переписав, приказать тот Троецкой монастырь и всякую монастырскую казну по книгамъ, и братью, и служек, и служебников, и крестьян, и бобылей, и монастырскую вотчину со всемъ вѣдать игумену Иоанну з братьею; и приказать старцамъ и всей братье, и служкамъ, и служебникам, и вотчиннымъ крестьянам, и велѣти ево, игумена Иоанна, слушати во всем и почитати, как и в прочих монастырях слушают и почитают.

И по той великаго господина наказной памяти, архиепископлъ сынъ боярской Федоръ Блинов, приехав в тот Троецкой монастырь, и взял в казнѣ описныя книги сто шестьдесят осмаго (1660) году, как тот монастырь описан был по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца указу, и по грамотѣ описывал Кирилова Новоезерскаго монастыря строитель старец Гурей Неверов на строителя старца Галактиона».

Во второй половине XVII в. монастырь описывали, как видим, едва ли не каждый год, сверяя имущество с описями ближайшихъ прошлых лет. В 1661 г. одну из них нашли — 1660 г., новоезерскаго строителя старца Гурия Неверова, при строителе Галактионе, а другую — дьяка

Данилы Столбитского, при игумене Игнатии (чуть более раннюю?) — не нашли: «А что описывал тот Троецкой монастырь дьяк Данило Столбитской на игумена Игнатя, и тѣхъ описных книгъ в казне не сыскали. А сказали того Троецкого монастыря казначей старец Гурей з братьею: тот де игумен Игнатей взят к Москвѣ въ государевѣ дѣле наскоро, и описные книги увез з собою, а других де таковых книг в казнѣ не оставил». Перед нами — след еще какого-то малоприятного дела, затронувшего Усть-Шехонский монастырь. Ясно, что срочно взятый по обвинению или подозрению «в государевѣ дѣле» в Москву и захвативший с собой туда монастырскую опись игумен Игнатий оттуда не вернулся.

Описями можно пользоваться как путеводителями по монастырю. Цитирую опять Опись 1661 г.: «Троецкой монастырь стоит на Усть-Шексны реки, а в немъ соборная церковь Живоначалныя Троицы деревяная о пяти главах, покрыт чешуею» (в Описи 1679 г. тут отличие: «покрыт тесом»). Указывается также «церковь теплая Благовещения Пречистыя Богородицы» и говорится, что «над Святыми ворота вновъ построена церковь Алексея человека Божия деревяная шатровая». Кроме того: «Да на монастырѣ подлѣ Святых ворот онбаръ вновъ поставлен. <...> Да ворота рубленые — ходят по воду на реку. Да другие ворота задние, с поля, на верях. Монастырь огорожен: половина от реки — рубленая ограда, а другая — забрано забором в столбы. Над водяными ворота образ Пречистыя Богородицы Знамение на празелени. На монастырѣ двѣ кѣльи игуменские в одних сѣнях, да десять кѣлей братских, а в них пятнадцать братьев (в 1674 г. было “шеснатцать человекъ”, а в 1679 г. — “дватцать”. — Г. П.); да кѣлья дьячья, а в ней пять человекъ дьячков (в 1674 г. было восемь, а в 1679 г. — “тринатцеть”); да кѣлья поваренная, да поварня — про братью есть варят; два погреба, летней да зимной, а поверху сушило; да за монастыремъ поварня — квасъ варят, а в ней котел железной на очапѣ ветхъ. <....> Да против Святыхъ ворот два онбара ловецких, а в нихъ рыбных снастей. <...> Да на монастырѣ хлѣбня летняя <...> да за монастыремъ, за задними ворота, житница, а в ней хлѣба нѣт. <...> Да под монастыремъ, слободка, а в ней живут служки и служебники шеснатцеть человекъ. А крестьянских и бобыльских во всей монастырской вотчине двести деветнатцеть дворов, а людей в нихъ семьсотъ шестьдесят два человека».

Знаем мы из Описи и о том, чем владел монастырь на расстоянии. В Заболоцкой волости ему принадлежало «монастырское сельцо Шепетово, а в немъ два двора монастырских»; «в Ворбозомьской волос-

ти — монастырская мельница, а на мельницѣ дворъ монастырской, на дворе кѣлья с сѣнми, конюшно ветхо, на плотине мельнишной онбарь, а в нем жерновы однѣ да восемь ступ. Да за Белым озеромъ в селѣ Маексе — монастырская мельница, два онбара мельнишных, а в нихъ трой жерновы, девят ступ; да у той же мельницы дворъ — изба ветха, да клѣть. Дворъ огорожен заборомъ, а на дворе мерин езжалой, два онбара хлѣбные порожные...».

Заглянув с помощью Описей в уже знакомую нам монастырскую «казенную избу», мы узнаем, что там хранилось множество документов, грамот, «монастырских крѣпостей прежних государей, царей и великих князей: двѣ грамоты харатейных за красными вислыми печатми; да двѣ грамоты листовых блаженныя памяти государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси: одна на рыбныя ловли и на сенныя покосы лѣта седьм тысящъ сто дватцать втораго (1614) году, а другая грамота тарханная сто тритцать втораго (1624) году; да листовая жъ правая грамота новая сто пядесят третьяго (1645) году, — что было дѣло с Кузмой Корнильевымъ; да листовая жъ выпись з дозорных книг писма и дозору князя Семена Елизарья Старово восьмьдесят девятого (1581) году. Да столбцовых грамат блаженныя памяти царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия Малыя и Бѣлыя Росии самодержца жаловалных и всяких розных дѣл дватцать грамот. Да старых же грамот четырнатцеть в рознах дѣлахъ. Да выпись на Ворбозомъскую мельницу и на пустошь Трофимовскую Богдана Кадникова да подьячево Ильи Перелякина сто дватцеть втораго (1614) году. Выпись з дозорных на всю монастырскую вотчину сто дватцеть шестаго (1618 г.). Двѣ выписи писцовыя ратмана Торбѣва сто дватцать девятого (1621) году. Да князя Микиты Шеховского сто тритцать четвертаго (1626) и сто тритцать пятого (1627) годов. Да выпись с переписных книг Силуяна Павлова сто тритцать пятого (1627) годов. Да свиток мировых записей в разных дѣлах. Свяска старых даных ка списков зъ государевых грамот и крепостей. Свяска старых даных на сенныя покосы и на всякие вотчинные угодыя. Да свяска же даных и всяких платежных отписей. Да свяска ссудных жилых записей на вотчинных крестьян розных годов. Да свяска — митропольи грамоты, благословенных».

В 1661 г. в казне хранилось также «кабал заемных на тритцать рублев». Наверное, долги и поставили Усть-Шехонский монастырь в зависимость от Саввина Сторожевского.

Среди описанной «казенная рухлядь» Троицкого Усть-Шехонского монастыря обращают на себя внимание некоторой неуместностью воинские принадлежности. Опись 1661 г. отмечает «шесть стволов пищальных, двѣ яндовы мѣдныя, двѣ кольчюги, да шапка, сабля ломаная, ледунька (сумка для патронов. — Г. П.) ветха». В Описи 1674 г. перечислены «четыре ствола пищальные, три карабина, три пистолы со листрами, пистоль безо листра, двѣ ломаны латы, двѣ кольчюги, сабля, шапка железная». А по Описи 1679 г. — «бѣлые ружья, двѣ пищали гладких, одна долгая, а другая короткая, мушкет три, карабина три пары, пистолет да пищаль цыльная гладкая, латы, двѣ колчюги, шапка железная, сабля бес крыжа, двѣ сабли держаны». Вероятно, после Смутного времени обитель решили вооружить на случай новых разбойных на нее нападений и сносили туда бывшее в употреблении вооружение (подбираемое, наверное, по полям и дорогам после ухода поляков). В начале XIX в. по инициативе любителя старины К. М. Бороздина были зарисованы «шлем европейской формы» и наплечник «из упраздненного Усть-Шехонского монастыря в 18-ти верстах от г. Белозерска».⁴⁶ Ясно, что рисовали то, что в описях названо «шапкой железной» и «ломаными латами».

Но самая для нас интересная часть Описей — перечень монастырских книг. В Описи 1661 г. перечислены: «Апостол печатной в десть. Три Службника печатныя в полдесть. Две Псалтыри печатныя в десть. Псалтырь печатная слѣдованием в десть. Псалтырь печатная жъ в полдесть. Часослов писмянной в десть. Два Охтая на осмь гласовъ печатныя в десть. Двѣ Триоди, Посная да Цветная, печатныя в десть. Двѣнадцать Минѣй Мисечных в год печатных в десть да двѣ Минѣи Общия печатныя жъ в десть. Устав печатной большой в десть. Евангелие толковое недѣльное печатное в десть. Два Пролога в год печатныя в десть. Книга Лѣствица печатная в десть. Книга Ефрема Сирина писмянная в десть. Книга Правила святых апостолъ и святых отецъ печатная в десть, да Правила же Никонския писмянныя в десть. Два Потребника печатныя в десть. Канонник печатной в четверть. Книга Стихараль певчей в полдесть. Два Ирѣмолая писмянныя в четверть. Да осмь Минѣй Мисечных разных мисяцов печатныя в десть. Да ветхих книг: четыре Евангелия писмянныя в полдесть; Апостоль писмян-

⁴⁶ Описание Бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с гг. Ермолаевым и Ивановым в 1809–1810 гг. // Труды первого археологического съезда в Москве 1869. М., 1871. Т. 1. С. 65. Бороздинское собрание рисунков хранится в РНБ в Санкт-Петербурге.

ной в полдесть; да два Апостола же писмянныя в десть; Триодь Цветная писмянная в полдесть; да половина Триоди Цвѣтная же писмянная в полдесть; да Триодь Посная, переплетена на двѣ книги (в Описи 1679 г. она названа "писмянной в полдесть". — Г. П.); да двѣнадцать да три Охтаика писмянных, ветхи же, в полдесть; да Минѣи: Общая Октябрь — писменные в десть, да шестнадцать Минѣй Мисечных писмянных в полдесть, ветхи. Двѣ книги Евангелия Толковыя — Матфей да Иоан — писмянныя в десть. Да книга Марка евангелиста писмянная Толковая в полдесть. Двѣ книги Василия Великого писмянныя в десть. Двѣ книги ветхи: одна — Бесѣды Евангельския о Иоаннѣ Богослове писмянныя, а другая — Сборник (в Описи 1674 г. добавлено: "писмянныя". — Г. П.) в десть. Книга два евангелиста — Ивана да Марка — толковая (в Описи 1674 г. добавлено: "писмянная". — Г. П.) в десть. Книга Потребник (в Описи 1674 г. добавлено: "писмянной". — Г. П.) в полдесть, другой в четверть, писмянныя. Устав писмянной в десть. Часослов в полдесть ветхъ, згорѣ (в Описях 1674 и 1679 гг. он не упомянут. — Г. П.). Книга Богородичник в полдесть на восемь глав. Три книги Ивана Лѣствичника в полдесть. Книга Патерик Египетской в полдесть. Бесѣды Евангельския от Матфея в полдесть. Двѣ книги Патерика же в полдесть. Книга Диоптра в полдесть. Двѣ книги Феодора Едесскаго в полдесть. Книга Служба и Житие Кирилла Белозерского в полдесть. Книга Служба и Житие Розтовскихъ чудотворцов в полдесть. Книга Правила святыхъ отецъ, да в них же приписано Житие Дмитрея Прилуцкаго, в полдесть. Маргарит Ивана Златоустаго в полдесть. Апокалепсис Ивана Богослова. Книга Пророчество. Книга Чеп Златая. Книга Исака Сирина. Сборник в четверть. Книга Стослов от Старчества. Книга душеспасительныхъ потреб. Книга о составлении Псалтыри харатѣйная. Книга Григория Синаита. Книга Ивана Дамаскина о составлении шести дней, в четверть. Житие Павла Обнорского. Минѣя Общая писмянная в полдесть. Книга Андрея Уродиваго в полдесть. Пролог, Сентябрь, четверть года, писмянной в десть. Да из тех же книг отдано для времени въ Троецкую же вотчину в село в Маексу въ церковь Козмы и Домияна: Пролог писмянной в десть, половина года с марта; да книга же отдана в ту жь церковь Полуустапове, в полдесть; да книгу Трефолой в полдесть, писмянныя».

Всего, по моимъ подсчетамъ, в монастырской книгохранительнице в 1661 г. числилось сто сорок книг, из них сорок четыре названы печатными, семьдесят — «писмянными», рукописными, и одна — «харатей-

ной», пергаменной, а о двадцати пяти ничего не сказано, но кажется, это тоже рукописи, потому что печатные книги перечислены главным образом в начале, а о рукописях составитель Описи то и дело забывает сказать, что они «писмянная»; следующие описи некоторые его пропуски восполняют.

В Описи 1674 г. к этому перечню добавлены: «Служебник печатной в четверть новой», а также «Двѣ книги Ирмосы наречены в четверть. Да в новых книгах Ефрема Сирина со аввою Дорофеем печатная в десть. Да книга Ирмологий печатная в полдесть».

В Описи же 1679 г. сверх уже упомянутой выше тринадцатой Псалтыри — «другая книга Ефрема Сирина печатная в десть», «Книга Апостоль писмянной в полдесть», «Книга аввы Дорофея писмянная в полдесть. Книга Выписи, Службы святых, в полдесть. Книга Служба Златоуста Иоанна и каноны. Книга Житие Николы Чюдотворца писмянная, ветхи. Книга Ирмологий в полдесть. Книга Часослов печатной в четверть. Книга Часослов в десть в тетратехъ старых». Но при этом опущены «двѣ Минѣи Общия печатныя жъ в десть». Так что за восемнадцать лет монастырская библиотека пополнилась тринадцатью единицами хранения.

Книги хранились кроме того, конечно, и в алтарях церквей. В Троицком пятиглавом соборе на алтаре было «Евангелие напрестольное в десть Апракосъ писмянное, обложена верхняя цка серебром вся басмянным, в середине образ Спасовъ чеканной и евангелисты чеканныя серебряныя позолочены, и около образа Спасова и евангелистов китцы серебряныя позолочены резныя прикреплены гвоздями серебряны<ми>, застежки серебряныя жъ, оболочено камкою. Другое Евангелие печатное в десть, верхняя цка обложена серебромъ резнымъ, на середине Спасовъ образъ и евангелисты серебряныя же позолочены, застежки серебряныя жъ литыя, оболочено бархатомъ серебряным, снизу пять плащей серебряных, проклатки ткани шелковыя з золотомъ». В алтаре теплой Благовещенской церкви на престоле лежало «Евангелие писмянное ветхое, евангелисты мѣдныя», и подобное же Евангелие находилось в той же церкви на престоле в приделе св. Дмитрия Солунского. А в деревянной шатровой надвратной церкви во имя Алексея человека Божия «во олтаре на святѣмъ престоле» лежало «Евангелие напрестольное писмянно, оболочено бархатомъ зеленымъ», «евангелисты литыя мѣдныя». К 1674 г. в Троицком соборе «в олтаре на прѣстоле» появилось «Евангелие печатное в десть, оболочено пестредью». Мы скоро познакомимся с судьбой двух из этих напрестольных Евангелий в XVIII в.

Опись 1661 г. заканчивается известием о данных сыном боярским Троецкой монастырь со всякимъ строением, и братью, и слуги, и крепаву чинить, и от сторон оберегать, и монастырю искати прибыли. А братие и слугамъ, и крестьяномъ, и бобылемъ приказал чтобы ево, игумена Иванна, во всемъ слушали и почитали, как и в прочих монастырех властей почитаютъ. А Описныя книги писал казенной дьячек Евтихейко Борисов». По нижнему полю всех листов документа сделанная скрепляющая запись тремя руками, извещающая и свидетельствующая о том, что игумен Иван, «черной поп Логин» и «черной поп Варлаам» «к сим переписным книгам Троецкого монастыря» руку приложили.

4) Грамота начала 1660-х гг.

В Государственном Историческом музее в Москве сохраняется грамота епископа Вологодского и Белозерского Маркела «Ферапонтова монастыря игумену Афонасию з братьею» такого содержания:

«Благословение великаго господина преосвященнаго Маркела, епископа Вологодскаго и Белозерскаго о Святем Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смирения Ферапонтова монастыря игумену Афонасию з братьею.

По нашему указу, пришет к вам в монастырь Кирилова монастыря архимарит Никита да старец Матвей Никифоров Усть-Шексны Троицкаго монастыря строителя старца Иосифа Обольянинова под начало. И какъ к вам ся наша грамота придет, а с Кирилова монастыря архимарит Никита да старецъ Матвѣй Никифоровъ строителя старца Иосифа Обольянинова к вам в монастырь пришлют, и вы к себѣ того старца в монастырь взяли б, и по нашему указу велѣли б ему, Иосифу, у вас в монастырѣ быть под началом в черной службѣ в хлѣбне, и велели б ему на братью мука (!) сѣяти и хлѣбы печи сковану.

А какъ ево к себѣ в монастырь возмете, и вы б к нам о том для подлинного ведома отписать велѣли, а ево из монастыря никуды не отпускали.

А милость Божия и Пречистые Богородицы и великих святителей Стефана, и Герасима, и Питирима, и Ионы, епископов Пермских, чюдотворцов, молитвы и нашего смирения благословение да есть и будет с вашимъ преподобством нынѣ и вовѣки».⁴⁷

⁴⁷ ГИМ, ОПИ, ф. 226, Шукинская коллекция материалов по истории церквей и церковного управления, № 13, л. 58.

Из «Списков иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» П. Строева мы узнаём, что Маркел был епископом Вологодским в 1645–1663 гг. (с. 731), Афанасий в Феропонтовом монастыре игуменом — в 1651–1655 и 1661–1680 гг. (с. 82), а Никита в Кирилловом Белозерском монастыре архимандритом — в 1661–1664 и 1667–1681 гг. (с. 56). Сопоставление лет показывает, что грамота была написана в период 1661–1663 гг.

Причины столь строгого наказания усть-шехонского строителя Иосифа Обольянинова неизвестны. Надо было, думаю, сильно провиниться, чтобы после руководства хозяйственной жизнью одного монастыря оказаться «в черной службе», да еще закованным, в хлебне другого. Расхищал ли этот Иосиф, как его тезка начала столетия, монастырское имущество, но был пойман? Или же он не подчинился реформаторским приказам патриарха Никона? И то возможно, и другое, и что-то третье.

5) Выпись из белозерских писцовых книг 1674 г.

Итак, к 1661 г. Троицкий Усть-Шехонский монастырь оказался, судя по всему, в материально тяжелом и административно зависимом положении. Но какую-то автономию он все-таки сохранил. Так, в «Выписке из Белозерских писцовых книг письма и меры стольника Никиты Ксенофоновича Тороканова и подьячего Игнатя Пигина» 1674 г. он фигурирует еще, похоже, как самостоятельный. В «Выписке» говорится о лове рыбы на Белом озере и «Троецкий монастырь, что на Усть-Шексны рѣки» упоминается как равноправный среди таких монастырей, как Кириллов, Феропонтов, Новоезерский, Борисоглебский, «что в Ростове», и Покровский девичий, «что в Суздальѣ». Рыбу ловили осенью «да по замороз», затем «с первые же поледные ставки зимою» и «с весны жѣ июля по 20 число». Троицкая обитель, «по государевым жаловальным грамотам», имела право на безоброчную ловлю осенью и весной «двѣма лодками», а зимой одним «неводом, а после тагасом».⁴⁸

1685 г. датирована рукопись, по которой мы воспроизвели Повесть, и рядом с датой, как мы помним, там помечено, что список сделан «в Саввин Сторожевский монастырь». Значит, оттуда этот список был заказан: в главенствующем монастыре захотели знать уже не только об имуществе, но также и об истории приписного, зависимого монастыря.

⁴⁸ Акты юридические. ... № 231. С. 257–259.

6) Отписка белозерского воеводы 1687 г.

Саввин Сторожевский монастырь выступил в 1687 г. как защитник приписанного к нему Троицкого Усть-Шехонского. Сохранилась отписка белозерского воеводы, из которой мы об этом знаем. Она была направлена в Москву «великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцемъ», «холопом их Ваской Корачаровым». 11 октября Василий Иванович Корачаров получил из государственного Посольского приказа грамоту, написанную по челобитью архимандрита келаря и казначея «Рождества Пречистая Богородицы и великого чудотворца Савы Сторожевскаго монастыря». К отписке воеводы сверху приклеен отрывок какого-то жалобного прошения — может быть, от руководства Саввина Сторожевского монастыря, может быть, из Усть-Шехонского — о возвращении «монастырским нашимъ крестьяном <...> сена с монастырской нашей земли <...> чтобы скотинишке от безкормицы голодною смертию не помереть».

Грамотой государей повелевалось «землями, и сенными покосы, и рыбными ловлями, и лесными угоды, которые отмежевалъ приписного к Савину монастырю Троицкого Усть-Шехонского монастыря от монастырской вотчины <...> белозерской писецъ Есипъ Башмаковъ да подъячей Михайло Гаврилов Кирилова монастыря крестьяном, <...> владеть по-прежнему Троицкого Усть-Шехонского монастыря крестьяномъ. А которое сено на монастырских их селных покосехъ покосили и поставили Кирилова монастыря крестьяне, велено описать и для того з Белаозера послать подьячего».

Троицкий Усть-Шехонский назван здесь, как видим, приписным Саввина монастыря. Из отписки ясно, что Кирилло-Белозерский монастырь при пособничестве белозерских чиновников посягнул на вотчинные владения Устьшехонского монастыря, и его крестьяне смешили там усть-шехонских. Из ущемляемого приписного монастыря обратились, видимо, в место приписки, а оттуда написали в Москву государям.

Василий Корачаров докладывал государям: «И по той вашей, великих государей царей, спорная (!) грамоте, в Белозерской уѣздъ в Надпорожской станъ в Лозскую волость посылал я, холопъ вашъ, площадного подьячего Фомку Дементьева с наказною памятью. А велѣл я, холопъ вашъ, теми вышеописанными землями, и селными покосы, и рыбными ловлями, и лесными угоды до вашего, великих государей,

указу владеть по-прежнему Троицкого Усть-Шехонского монастыря крестьяномъ. А которое сено на монастырских ихъ селных покосах покосили и поставили Кирилова монастыря крестьяне, и то сено велель я, холопъ вашъ, описать и учинить тому записку за руками понятыхъ людей». Далее следует перечень понятых, которых привлек площадной подьячий Фомка Дементьев: Филиппов сын Янин, Афонасьев сын Позняков, Мишка Гаврилов, Дмитриев сын Янин, Антонов сын Лотошин, Ивашка Семенов и Федоров сын Янин.⁴⁹

«До вашего, великих государей, указу» справедливость была, значит, восстановлена. Кажется, в окончательное ее торжество Василий Корачаров не очень верил. Во всяком случае, Саввин Сторожевский монастырь, сам поглощавший Троицкий Усть-Шехонский, не дал этого делать Кирилло-Белозерскому.

7. Процесс уничтожения

1) Записи XVIII столетия

С наступлением XVIII в. Усть-Шехонский монастырь вступил в предсмертную фазу своего существования. Об этом свидетельствуют сделанные в этом столетии дополнения к Повести в бывшем Кирилло-Новоезерском, а ныне Новгородском ее списке, оставленные нами на время. Теперь пора к ним вернуться.

«В лето 7209 (1701) году приписали сей монастырь к Савину монастырю, Звенигородскаго».

Мы знаем, что монастырь уже давно был к звенигородскому Савину Сторожевскому монастырю приписан. Запись показывает, я думаю, что в 1701 г. Усть-Шехонская обитель стала в еще большей мере зависимой от очень далекого от нее подмосковного монастыря.

Результат этого оказался схожим с итогом деятельности строителя Иосифа, если не худшим: «И от него (от Саввина Звенигородского монастыря. — Г. П.) бысть великое разорение монастырю и вотчине». Защитник от покушений Кириллова монастыря откровенно обратился теперь сам в разорителя.

2) «Благословенная иеромонашеская грамота» 1703 г.

Но монастырь внешне еще держался. 29 января 1703 г. «Божиею милостию Гаврииль, преосвященный архиепископ Вологодский и

⁴⁹ ЛОИИ, колл. Н. К. Никольского, ф. 260, оп. I, № 520.

Бѣлозерский», получил из «Бѣлоозерского уѣзду Троицкого Усть-битную (далее я цитирую грамоту архиепископа), «а в челобитной же написано: пострижен де у них в Троицком монастыри Бѣлоозерского Моисей, и живет у них в братствѣ. И в том ихъ монастыри черного иеромонаха нѣт. И чтоб нам, преосвященному архиепископу, ево, строителю монаха Иону с братьею, пожаловать — благословить и велѣть ему, монаху Моисею, на обещании своем, в том их Троицком монастыре, иеромонашеская действовать, и о том дати б ему наша архиепископля благословенная иеромонашеская грамота. И азъ, Гаврииль, преосвященный архиепископъ Вологодский и Бѣлоозерский, выслушав их, строителя Ионы з братьею, челобитья, пожаловал, благословил, и велел ему, монаху Моисею, на обещании своемъ, в том их Троицкомъ монастырѣ, иеромонашеская действовати...».⁵⁰

Не было, значит, в то время в монастыре ни одного монаха-священника. И игумена не было: управлял монастырем строитель. Но правом обратиться к своему архиепископу, минуя руководство Саввина Сторожевского монастыря, он обладал.

(А священник Михаил овдовел — заметили? — служба в селе Крохине — наверное, в том самом, которое в XV в. было деревней Крохинской, принадлежавшей сначала сыну боярскому Гавриле Лаптеву, унаследованной затем в качестве выморочной князем Андреем Дмитриевичем, переданной им Усть-Шехонскому монастырю «по матери своей по княгине Огрофене» и вскоре после этого, когда монастырь оскудел, опустевшей.)

3) «Настолная грамота» 1709 г.

В 1705 г., по П. Строеву, в Усть-Шехонском монастыре ненадолго появился игумен Марк. Со следующего года по 1709 г. игумена там опять не было. В ноябре же 1709 г. архиепископ Вологодский и Белоозерский Иосиф издал любопытную грамоту о благословении в игуменский Иосифов монастыря Александра.⁵¹ Любопытна эта грамота потому, что место для названия монастыря, куда архиепископ благословил в игумены иеромонаха Александра, было оставлено чистым; и число, когда грамота выдана, не было поставлено. В канцелярии архиепископа написали:

⁵⁰ ЛОИИ, колл. Н. К. Никольского, ф. 260, оп. I, № 723.

⁵¹ Там же, № 810.

«Дана бысть сему игумену сия наша настолная грамота в городи Вологдѣ въ велицѣй церкви Софии, Премудрости Слова Божия, и в нашемъ архиепископлѣ дому лѣта 709-го ноемвриа въ день». Значит, архиепископ благословил Александра «во игумены» вообще, не имея в виду какого-то определенного монастыря, рассчитывая, вероятно, что иеромонах Александр в течение ноября месяца сам найдет обитель, где ему быть игуменом, и тогда впишет в грамоту ее название и соответствующее число. Можно себе представить, что иеромонах с настольной грамотой обходил монастыри, где не было игуменов, и выяснял, устраивают ли они его и он их, и, когда то и другое совпало, вписал в грамоту (под рукой у него оказались более бледные, чем в архиепископской канцелярии, чернила) название монастыря: «Живоначалныя Троицы, что на Усть-Шексны». Число поставить он при этом забыл.

Любопытна эта грамота и как литературное произведение XVIII в., следующее древнерусским традициям архипастырских наставлений благословляемым.⁵²

«Божиею милостию Иосиф, преосвященный архиепископъ Вологодский и Бѣлозерский, по благодати, дару и власти Пресвятаго животворящаго и вся освящающаго Духа, даннѣй намъ от великаго архиереа Господа нашего Иисуса Христа, благословилъ Белоезерскаго уѣзду Кириллова монастыря иеромонаха Александра на церковную священную духовную власть в пречестную обитель Живоначалныя Троицы, что на Усть-Шексны, во игумены.

И сему убо игумену Александру подобаеъ аки пастырю быти боголюбиву и челоѣколюбиву, и церковному исполнению без лености прилѣжати, не сварливу, не мшелоимцу, смотреливу, независтливу, не сребролюбцу и добру, предстательствующу, и опасно стражу имѣти, и разумѣти, и радѣти о сущих под нимъ, и мысленныя волки отгоняти от них пращею божественныхъ словесъ и пророческих и апостолских и отеческихъ преданий. Подобает убо ему быти свѣтъ сущимъ неведения (?), по глаголющему словеси, еже Христось ко святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ рече: „Вы есте свѣтъ миру, и тако да просветится свѣтъ вашъ пред челоѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ» (Мф. 5, 14–16).

⁵² Ср. традиционное поучение архиерея рукополагаемому во священники: Прохоров Г. М. Из литературного наследия митрополита Киприана // Славянские литературы: X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 78–79.

Просвѣщати же и учити свѣтомъ, еже есть собою образ показати во всемъ в духовныхъ и внешних, учити же и наказати, обращати же и врачевати, и отпатшии уды телеси его прилагати милостивнѣ къ язвѣ (!). Егда же потреба будетъ и былие растворяти, еже есть учение, и цѣлители язвы душевные покаяниемъ. И сихъ ради таковой пастырственный и сладкий гласъ, глаголющъ: „Благий рабе верный, в малѣ его» (Мф. 25, 23). Достойт же ему с нами совѣтъ имѣти во всемъ в недоумѣваемых духовных во всѣх, послушание и покорение, яко и первосвятителю и пастырю и учителю и отцу отцевъ. Вы же, о Христа наша чада, священноиноци, и диаконы, и иноцы, и всѣ православнии христиане, живушии в той обители, примите радостно отца своего и учителя о Господѣ игумена Александра, повинуйтеся ему от всея души, яко самому Христу, рекшу ко апостоломъ: „Слушайъ вас Мене слушають, а отмета я же ся — Мене и пославшаго Мя» (Лк. 10, 16). Вы же не будите отметницы, но послушницы Христови, от Него же обрящете милость в день судный.

Достойтъ же игумену Александру проповѣдати слово Господне всѣмъ православнымъ христианомъ, врученнымъ ему, дабы православнии христиане жили по заповѣдемъ Божиимъ. К сему же и от мирскаго жития приходящих мужеска роду пострищися в монашеский чинъ не якоже прилучися вборзѣ постригати, якоже нѣции творять и постригають без испытанія и не по преданию святыхъ отецъ, борзяся своихъ ради самоволнихъ страстей, но приходящих к нему мужеска роду в монашеский чинъ по преданию святыхъ отецъ, аще благоговѣйни и свободни явятся, постригати — свое приемники, и тѣмъ новопостриженнымъ монахомъ давать новопостригалныя памяти за казенною печатью за своею рукою. А женского роду, девъ и вдовъ, наипаче же от мужей женъ, в монастырѣ и внѣ монастыря и в мирскихъ домехъ отнюдь нигдѣ не постригати» (далее уже приведенная нами выше контоповка с датой без числа: «Дана бысть сему игумену сия наша настольная грамота...»).

В усть-шехонских игуменах Александр пробыл недолго, по 1711 г., и никем не был замещен. Периоды отсутствия игуменов и в дальнейшем чередовались в монастыре с периодами недолгого их присутствия (см. у П. Строева, с. 85—87). За десять без малого лет, протекших после появления у «Живоначалныя Троицы, что на Усть-Шексны» с благоговенной грамотой кирилло-белозерского иеромонаха Александра до

очередного пожара монастыря, там побывало три игумена (каждый не более двух лет).

4) Пожар, возрождение, разорение

Что не разграбили пришельцы-начальники, то уничтожил этот пожар: 18 июня 1719 г. «погорел монастырь весь до основания» (это очередная приписка к Повести в Новгородском списке). Три года потом в монастыре опять не было игумена.

Но у монастыря и на этот раз хватило сил для возрождения: «И тщанием братии того монастыря и вкладчиков построено все сполна».

Похоже, монастырь на какой-то миг опять обретал независимость — как грудa головешек после пожара: и потому-то и возродился, что глотнул свободы. Но когда возродился сполна и стал что-то собою в материальном выражении представлять, его тут же вновь независимости лишили, отдав под начало прежним разорителям, и, конечно же, вновь — и опять основательно, если не окончательно — разорили: «В лето 1721 году приписали к тому же Савину монастырю. И от них вконец разорение прииде».

На этот раз разорили не только добро. Самых насельников монастыря, его возрождавших, увели «в плен» или разогнали: «Братию монахов к себе в (Саввин Звенигородский. — Г. П.) монастырь взяли, а иных вон из монастыря выслали».

Оставалось только забрать остававшиеся на месте пожитки устьшехонских монахов. Сделали и это: «И прислали слугу своего на властелинство монастырю и вотчинным крестьяном, и он, слуга, всё в монастыре обрал и увез».

Хроника-повесть окончена, мы ее дочитали. Начатая как заметки о создании монастыря, она доведена до его разрушения.

По П. Строеву (С. 85), это произошло в 1725 г., после чего 3 февраля 1727 г. монастырь вновь на время открыли, а в 1764 г., при Екатерине II, окончательно — разом со множеством других — упразднили. Монастырский храм сделался тогда приходской церковью посада Крохина.⁵³ (Деревня Крохинская, потом село Крохино, к этому времени стала, значит, посадом Крохиным.)

⁵³ Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. 9 (V). С. 220.

5) Распродажа

Имущество монастыря на этот раз было распродано. За делом следил Синод, посылая запросы и указания епархиальному архиерею. Ведавший распродажей движимости «духовных вотчин экономический казначей порутчик Левашов» в ответ на запрос Вологодского архиепископа Иосифа рапортом от 10 мая 1768 г. доложил «о продаже казеннаго имущества (то есть столов, шкафов, деревянной всякой посуды и конюшенных приборов)» и обещал, что «за те де проданные имущества деньги по продаже протчих внесены будут в Вологодскую провинциальную канцелярию с запискою в Экономическое ведомство; а о продаже строения в том присланном рапорте не изъяснил».⁵⁴ Потому, по указу Синода, была составлена ведомость, где точно указывалось, «какое имянно въ упраздненныхъ монастыряхъ церковное и протчее всякое строение и церковная утварь имелись и что куда отобрано».⁵⁵

В созданном тогда же «Реэстре Вологодской епархии, в коихъ упраздненныхъ монастыряхъ и пустыняхъ церковное и протчее строение и церковная утварь описана», был учтен и Троицкий Усть-Шехонский монастырь и отмечено, что в нем «по описямъ значится <...> церковнаго строения: 1 церковь каменная с трапезою и папертью, при ней пределъ. Церковь деревянная с трапезою и папертью, при ней пределъ. Колоколя, на ней 6 колоколовъ. Протчего монастырскаго строения: Внутри монастыря: Настоятельскихъ келей 3, в нихъ чюлан. Братскихъ келей 6. Два погреба. Два анбара. Вокругъ того монастыря ограда деревянная. Внѣ монастыря: Конюшенной двор, при немъ изба. Поварня. Кузница. Два овина». По сравнению с 1661 г. число братских келий и хозяйственных построек в монастыре, как видим, стало меньше.

Среди церковной утвари в «холодной церкви в олтарѣ» описью отмечено «Евангелие, на коемъ средникъ и евангелистъ сребряные», и «При вновь построенной каменной церкви в приделѣ Димитриа Селунскаго» — «2 Евангелия, на коихъ средники и евангелисты сребряныя». Пересчитаны также остатки библиотеки: «Разныхъ печатныхъ книгъ 49, нотныхъ трои».⁵⁶ Рукописи не упомянуты; их там, наверное, уже не было.

⁵⁴ Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшаго правительствующаго Синода. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2. № 2452. С 219.

⁵⁵ Там же. С. 7.

⁵⁶ ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 2452, л. 77–79 об.

16 февраля 1788 г. Синод приказал серебряную церковную утварь упраздненных монастырей Новгородской, Тверской, Псковской и Вологодской епархий использовать для снабжения походных воинских церквей. В направленном «В Святейший правительствующий Синодъ от Ириня, епископа Вологодского, Рапорте, по присланному Указу со исполнением», в числе вещей, переданных для воинских походных церквей, упомянуты (даже описаны) «Два напрестольныя Евангелия на полуалександрийской бумагѣ: 1. Покрыто бархатомъ зеленымъ, на немъ средникъ и евангелисты и застешки серебряныя. 2. Обложено плисомъ пестрымъ, на верхней доскѣ средникъ и евангелисты, а на нижней средникъ зде в наугольники и застешки серебряныя».⁵⁷ Так что, по всей вероятности, два именно усть-шехонских Евангелия в 1788 г. сделались походно-армейскими. Третье должно было остаться на престоле церкви, обращенной в приходскую.

Недвижимость же ликвидированной обители, которую не удалось продать и приспособить к какому-нибудь делу, наверное, потихоньку разрушалась и разбиралась, пока не была затоплена. Так что к потопу XX в. история подводила монастырь издавна, постепенно.

На четвертое место монастырю, стало быть, так и не было суждено переехать. Если, конечно, не считать его «четвертым местом» речное дно.

8. Рассказы о Белозерске

К Повести об Усть-Шехонском монастыре естественным образом близки рассказы о городе Белозерске. Это легенда о том, почему церковь в Белозерске нарекли во имя Василия Великого, и история перенесений города Белозерска. Их мы тоже извлекаем из рукописей XVII–XVIII вв.

Рассказ о белозерской церкви св. Василия Великого сохранился в двух версиях — краткой и пространной. Краткая известна в нескольких списках: 1) РНБ, Софийское собр., № 1521 / 343, Сборник, XVII в., л. 189; 2) РНБ, собр. Погодина, № 1553, Сборник, конец XVII — начало XVIII в., л. 161–163; 3) ГИМ, собр. Уварова, № 840, Сборник, конец XVII — начало XVIII в., л. 72 об.; 4) РГБ, ОИДР, № 225, Сборник, XVIII в., л. 388. Привожу ее текст по рукописи РНБ, собр. Погодина, № 1553.⁵⁸

⁵⁷ ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 2452, л. 101–105.

⁵⁸ Тот же текст по списку РНБ, Софийское собр., № 1521 / 343 напечатан: Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монас-

О церкви Великаго Василия и о вѣре

«А на Белѣозере жили люди новокрещени, да как учили крестити-ся и вѣру христианскую спознавати, и они поставили церковь, а не вѣдаша, во имя котораго святого. И на утро собрались, да пошли церковь свѣщати и нареци котораго святого. И какъ пришли к церккви, а же в рѣчкѣ под церковию стоит челнок, а в челну стулець, а на стулце икона Василие Великий, а пред иконою просфира. И они икону взяли, а церковь нарекли во имя Великаго Василия.

И нѣкто невѣжа взял просвиру ту да хотѣлъ укусити ея, ино его от просвиры тоя шибло, а прозира окаменела. И они церковь свѣщали да учили обедню пѣти. Да какъ начали Еуаггелие чести, ино грянуло не по обычаю — как бы страшной великой громъ грянул. И вси людие уполошались, чаяли, что церковь пала. И они скочили да учили сморити народи. Ино в прежние лѣта ту бывало мольбище: за олтаремъ береза да камень. И ту березу вырвало ис корени, да камень взяло из земли да несло в Шексну и потопило.

И на Белѣозере то первая церковь Василие Великий от такова времени, как вѣра стала».

Распространенное повествование о том же, а сверх того еще четыре рассказа на белозерские темы читаем в списке 1779 г. на л. 37—41 об. Сборной рукописи РНБ, собр. А. А. Титова, № 1296, которой мы уже пользовались, подводя различия к части Повести об Усть-Шехонском монастыре (мы ее условно обозначали — В):

О Белозерской церкви Василия Великого⁵⁹

«...свое стадо и соверши молитву, возревше мало от церкви на десной стране, и узреша в речкѣ близ церкви челнокъ мал стоящъ, токмо Богъ весть откуда прииде, человека же никакого, ездящаго в нем, видѣ, а в челноку, среди ево, стояще столець мал точеной, на столце — образ Великаго Василия Кесарии Каппадокийския, пред образом — прозира тепла и мягка, по древнему закону сотворена крестообразно, в носу челнока два веселца, на корме веселцо.

тыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 209. Смысловых различий по сравнению с опубликованным мною списком (Повесть об Усть-Шехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске. С. 202—203) здесь нет. К указанным мною спискам они добавляют: «РНБ, № 1535. Пог 7 (так! — Г. П.), л. 73: кон. XVII — нач. XVIII в.». — Там же. С. 197.

⁵⁹ Начало утрачено.

Людие же, видевше, возрадовашася радостию велиею зело; взяше снятый его образъ, великаго святителя, и просвиру съ великою честию, и внѣсоша в церьков со псалмы и песньми духовными; и, светивше храм той, нарекоша во имя Великаго Василиа.

Челнокъ и веселца, в немже прииде святой образъ, положиша со щаниемъ в паперти у церкви Великаго Василиа. А речку, в нейже узреша святой образ, прорекоша Василевка, и доднесь зовома тем званиемъ.

И во время божественныя литургии, чтому священному Евангелию, и в то время грянуло необычно, аки великий страшный громъ. Людие же страхом одержими быша велиим, стояще в церкви той. Прославляя своего угодника, Господь нашъ Иисусъ Христось, уверяя и совокупляя воедино искупленное Свое стадо, и приводить во единомыслие сердца человеку.

Не бываетъ причастна тма ко свету, неприлично черное к белому, не любить церковь Божия идолы, неприятенъ бесъ к чину освященному, не возможет сено прикоснуться огню, — такожде и церковь Великаго Василиа стояти не хочетъ на единѣ мѣсте со идолы кумирными — з березою и каменемъ. Не восхоте Великий Василий кумира идолского приношению безпамятну быти: бысть Божиею силою и молитвою святаго отца нашего Василиа Великаго бѣрезѣ исторжение исъ корения, да и камень взять, и несены быша оттуду аки вержениемъ неким камень и с березою в Шексну реку и потоплени быша. Понеже преждѣ пред бѣрезою на камени том жертва приносима была нечистым кумиромъ. И о сих тако поведаша нам древнии людие.

О просворе

Не подобаше бо и сего чудеси Великаго Василиа молчанию предати, еже бысть о просфоре его.

Внесенней же ей бывъши в церковь, неки невежа, сый грубостию одержим, взял просвиру Великаго Василиа и восхоте ея вкусити. И не попусти ему Богъ и угодникъ его Великий Василий, и в той часъ орази его невидимая Божия сила, просфора же та камень бысть.

И доднесь и оттолѣ Божиею благодатию уставися православная христианская вѣра. А церковь сия Великаго Василиа первая бысть на Бѣлеозере, какъ и православная вера стала».

В рукописи далее идут рассказы «О нашествии Батыя царя на Рускую землю» и «О князе Глебе», использованные нами при подведении

разночтении к началу Повести об Усть-Шехонском монастыре; потому здесь мы их пропускаем.

О преселении града Белаозера от Усть-Шексны-реки в Карголомъ, идеже нынѣ стоитъ

«В лѣто 6907-го (1399) года, при великом князе Василие Иоанновиче, по его государеву указу, граждане белозерцы переселишася с Шексны-реки в Карголом, град, и церкви, и посады поставиша. Тогда соборную церковь Великаго Василия перенесли и поставиша на посадѣ на том месте, где стоит крестъ древянъ днесъ. И стояла соборная церковь Великаго Василия на посаде до 120 (1612) года, июля по 30 число.

Приидоша на градъ Белоезеро Полша и Украинныхъ городовъ люди не во мнозе силѣ и град весь пожгоша, а людей множество посекоша, а инии пленени быша. И тогда соборная церковь згорела. И с того времени вновь поставиша церковь внутрь среди града Белаозера. И та церковь древянная от ветхости разрушилась. И на том месте построена соборная церковь каменная о пяти главах во имя Преображения Господа Бога и С'паса нашего Иисуса Христа.

А егда убо град Белоезеро стояло на Усть-Шексны-реки, тогда соборная церковь стояла идеже ныне Княжее, — зовомо нынѣ, — на том церковном местѣ стоит часовня, а в ней почиваетъ благоверный князь Глебъ Васильковичъ, державецъ града сего Белаозера».

Из последних слов этого рассказа мы узнали имя — «Княжее» — места среди посада первоначального Белозерска, на Васильевском Крестце, где стояла до польско-украинского нападения соборная церковь Василия Великого, а во время написания рассказа «О преселении...» — лишь часовня и деревянный крест, где якобы был похоронен основатель монастыря благоверный князь Глеб Василькович и куда, согласно пророчеству инока Моисея, монастырь должен был быть перенесен в третий раз.

О том, что Глеб Василькович был похоронен в Белозерске, и о месте его погребения мы читаем также в уже цитированном нами ранее «Описании о граде Белеозере» XVIII века: «И пожилъ онъ князь, Глебъ Васильковичъ, на Белеозере лета доволна, преставися, а тело его положено на Белеозере на бывшемъ посаде в соборной улице Великаго Василия, где нынѣ значить (!) над теломъ его каменная гробница, всемъ видима. Но за преселениемъ сего города Белозерска с того мѣста в Карголомъ, стоит тамо нынѣ построенная изрядная часовня, на место пусто, состоящее, по имянному блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя

императора Петра Перваго, в казенномъ и вечномъ за здешнимъ городомъ оброке, — которое место и донине называется Старой Город...».⁶⁰

А летопись, между прочим, сообщает, что князь Глеб Василькович был похоронен в Ростове: «Тое же зимы во Филипово говѣнье преставися Глѣбъ Василькович декабря въ 13, и положиша его в соборней церкви Святыя Богородица в Ростовѣ».⁶¹ Снять противоречие позволяет, мне кажется, запись там же под 1280 г. — что местный Ростовский епископ Игнатий «изринул», выкинул тело князя «из церкви в полунощи и повелѣ его погresti у Спаса на Княгининѣ монастыри», а пришедший тогда из Киева «в Суздальскую землю» митрополит Кирилл, узнав об этом, отлучил епископа от службы, но потом простил его — когда за того походатайствовал племянник покойного, князь Дмитрий Борисович, — а простив, сказал ему: «Брате, сыну възлюбленне, плачися о семъ и кайся о том грѣсе и до своея смерти, осудил бо еси мертвеца преже суда Божия, а жива стыдяся его, и дары емля от него, и яды и пѣя с ним. Да бы ти Богъ сего отдал!»⁶² По-видимому, извлеченное из могилы тело князя не было положено обратно в ростовский собор, а было унесено в Белозерск.

Обратим напоследок внимание на совпадение выражений Повести о монастыре и рассказа «О преселении града Белоозера...»:

«В лета 7120 июля в 30 день приидоша на Белоозеро Полша и Украинных градов люди не во мнозе силе, град весь пожгоша, а людей множество посекоша. Были же и в сием монастыре у Троицы в Божиих церквах...»;

«...до 7120 года, июля по 30 число. Приидоша на Белоезеро Полша и украинных городов люди не во мнозе силе и град весь пожгоша, а людей множество посекоша, а инии пленени быша. И тогда соборная церковь згорела».

Ясно, что это не случайность: либо один писатель видел сочинение другого, либо рассказ о городе писал тот, кто продолжал Повесть о монастыре.

Этим белозерцам представилось вдруг важным сохранить в памяти читателей то немногое, что они слышали и знали о своем монастырьке и городке, едва не погибших в Смутное время.

Да и нам сейчас, представляется, немаловажно знать об этих погубленных и недопогубленных клеточках живого тела России. И о том, что там, случалось, писали.

⁶⁰ БАН, 12.8.9, л. 5—5 об.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 152.

⁶² Там же.